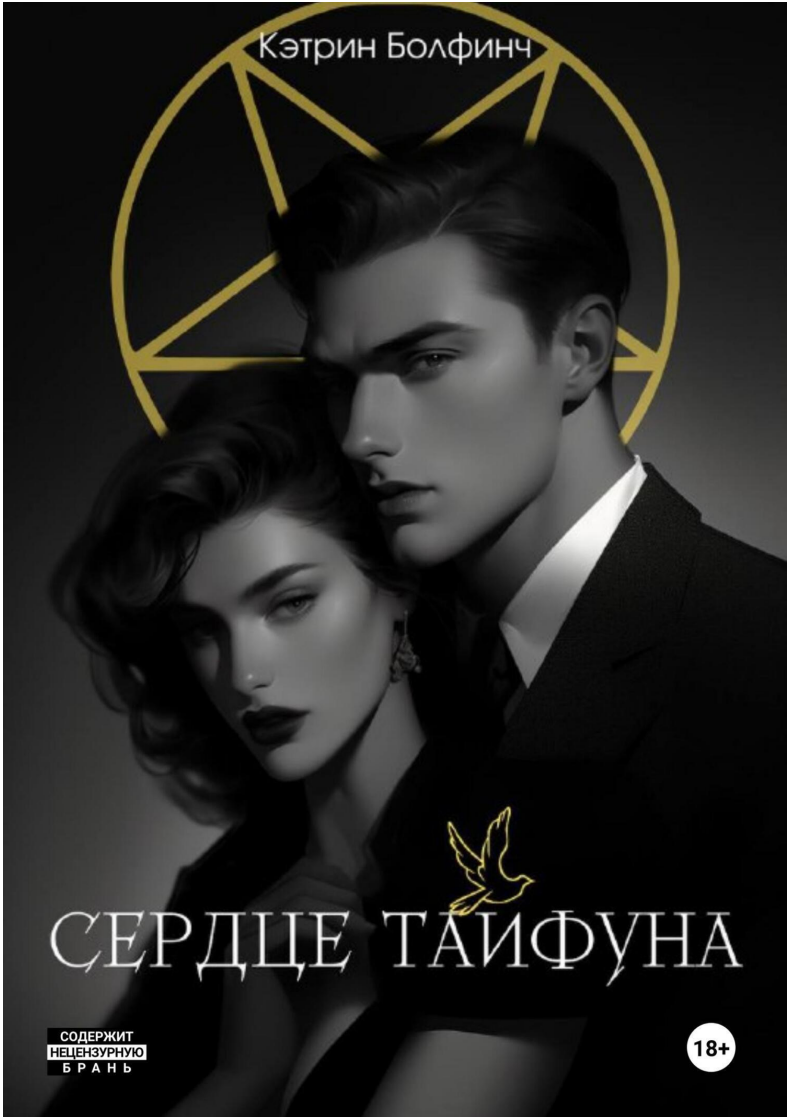
Кэтрин Болфинч



СЕРДЦЕ ТАЙФУНА

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Кэтрин Болфинч
Сердце Тайфуна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70312801
SelfPub; 2024

Аннотация

Аарон Гонсалес – глава мафиозной семьи и по совместительству детектив, расследует убийство из далекого прошлого. Кто же знал, что Луиза Перес, дочь главы враждебного клана, окажется ключом к раскрытию старых секретов? Вот только как заставить девушку говорить, если она готова пустить тебе пулю в лоб?

Содержание

От автора 5
Глава 1. Аарон 6
Глава 2. Луиза (Лу) 12
Глава 3. Аарон 18
Глава 4. Луиза (Лу) 26
Глава 5. Аарон 39
Глава 6. Луиза (Лу) 47
Глава 7. Аарон 58
Глава 8. Луиза (Лу) 67
Глава 9. Аарон 75
Глава 10. Луиза (Лу) 86
Глава 11. Аарон 94
Конец ознакомительного фрагмента. 103

Кэтрин Болфинч
Сердце Тайфуна

«Влечение сердец рождает дружбу, влечение ума – уважение, влечение тел – страсть, и только все три вместе рождают любовь»

Конфуций

От автора

Всем привет! Добро пожаловать на страницы истории о жаркой, красивой и немного запретной любви.

У книги есть замечательный плейлист, несколько видео с эстетикой и еще много всего, что вы найдете в тг-канале автора.

Приятного чтения! Спасибо, что вы здесь.

Глава 1. Аарон

Вы верите в Бога? Чиста ли ваша вера? Думаете ли о своих поступках и мыслях? Молите ли о пощаде на смертном одре? Или встаете на колени в молитве каждый день?

Бог давно покинул меня, но я верую и молю о прощении каждый день. Почти за каждый свой поступок. Но смогу ли я его заслужить? Вряд ли. Как я уже говорил, Бог оставил мою запятнанную грехами душу. Ровно в тот момент, когда забрал мою мать.

Я склонил голову в молитве, чувствуя, как запах ладана проникал в легкие, окутывая их сизым дымом. Странно, что до сих пор меня не удушили святые за безбожество.

В церкви я всегда находил утешение. Но не во время мессы, а когда здесь никого, кроме послушников, не было. Помещение со сводчатыми потолками окутывалось тогда звенящей тишиной. Я приходил сюда, чтобы поразмышлять о делах, судьбе, вымолить прощение для своей следующей жизни.

– Прости меня, Господи. Даруй мне истинный путь для спасения души, – прошептал я, потом перекрестился и, поднявшись со скамьи, покинул церковь.

Иногда я задумывался, что, если я уже в аду? Что, если все происходящее не более чем декорации к пламени, пожирающему мою плоть? Что, если лимит на преступления уже

закончился, и у Бога не осталось причин и терпения наблюдать за моей жизнью?

Испания в это время года едва не умирала от невыносимой жары. Такой сильной, что костюм-тройка казался путем на дно ада через круги Данте. Здесь всегда не хватало тени деревьев, в которой можно спрятаться от назойливой духоты. Как только послушницы в самый разгар пекла могли подрезать цветы и работать во дворе? Неужели их вера настолько сильна, что раскаленный воздух не давил на легкие, не кружил голову? Неужели этот маленький уголок с цветами, газон и пара пальм около входа требовали столько усилий и жертв хрупких девушек?

Церквушка находилась в таком живописном месте, что порой хотелось сесть на маленькую деревянную лавочку, из которой уже торчали гвозди, и забыть о том, что за стенами этого места меня ждало семейное дело, разборки с другими семьями и бесконечная череда убийств «по случайности». Под тихое пение птиц смотреть на виднеющееся вдалеке море, пригород и россыпь зелени, растущей на холмах.

Но сегодня времени на безмерное созерцание не осталось, я глянул на наручные часы. В голове сразу выкатился длинный список дел: казино, участок, семья Перес, сводка семейной библии. На последнем слове, не сдержавшись, поморщился. Слишком бесило то, что такие скверные вещи имели божественные названия. Вот что такое настоящее богохульство.

Впрочем, эти мысли всегда удалялись, когда появлялась она. Словно описанная Марией Корелли – идеальная, чистая и светлая девушка была лучиком во всей этой мерзкой тьме, всегда в белом, с убранными под платок волосами и нежной улыбкой. Я даже боялся к ней подходить, чтобы ненароком не запачкать светлую душу скверной, поэтому всегда наблюдал издалека, как тонкая фигурка пропалывала клумбу с разноцветными петуниями, а потом с какой-то небывалой нежностью прибирала рассыпанную на плитку землю.

Вот и сейчас пришлось отойти к забору из желто-красного кирпича, чтобы оставаться в тени и думать о том, что однажды Бог даст мне спасение в виде ангела на земле. А пока кончик зажженной сигареты приветственно моргнул оранжевым, окутывая никотином нервное напряжение перед предстоящей встречей.

Глаза сами по себе прикрылись, сознание медленно успокоилось, под тихий разговор послушниц, пение птиц и морской ветер. Легкие прерывисто получали порцию отравы, а я возможность забыться хотя бы на пару секунд.

– Я прибью его, если он этого не сделает, Матиас! – звонкий голос, раздавшийся с парковки, если так можно назвать засыпанный гравием участок дороги, прервал и безмятежность, и спокойствие. Кому могло прийти в голову так орать на церковной территории? Я даже в мыслях не позволял себе таких вольностей.

Стало интересно, кто же нарушил мой покой. Я вышел из-

за колонны, за которой стоял. Но тут в меня влетело что-то шебутное, полностью в черном, и с громким «Ой» выпалило то, от чего глаза полезли на лоб, а в груди закололо:

– Черт! – выругалась девушка, цепляясь за лацканы моего пиджака одной рукой, а другой поправляя ремешок на черных туфлях.

– Вы в Божьем храме! – возмутился я, все же придерживая ее под локоть. Бесстыдница, усмехнувшись, выпрямилась.

– А вы святой отец? Покараете меня за грехи? – ехидно спросила девушка, подняв подбородок и заглянув мне в глаза. Я вгляделся в зеленые, почти желтые, радужки, заметил вишневые губы, ожерелье из черных бриллиантов, серые узкие в полоску брюки и жилет на голое тело.

– Нет.

– Тогда и не вам тыкать меня, – заметила она, откидывая темные волнистые волосы назад. – И, кстати, мои глаза выше, уважаемый.

– Такие же бесстыжие, как ваш наряд. Кто ж так в церковь ходит?

– Может, важнее приходить с открытым сердцем?

– Вы, кажется, приняли это слишком буквально, – усмехнулся я, ловя себя на мысли, что все еще держал ее за локоть. Этой короткой вспышки хватило, чтобы почти целомудренно отойти.

– Хорошего дня. И да, курить вредно, – с кривой улыбкой попрощалась девушка и, гордо вскинув подбородок, напра-

вилась вглубь территории.

Я поправил волосы, выкидывая окурок сигареты в мусорку. Было в этой женщине что-то демоническое. Наверное, несколько месяцев назад она очаровала бы меня буквально за пару минут, и своей улыбкой, и вырезом, и кокетливостью, но сейчас.… Сейчас показалось, что это дьявол во плоти. И мне стало жаль того человека, который проведет с ней жизнь. Если такой смелый вдруг найдется.

Машина, простоявшая на утреннем солнце, тоже показалась адской. Знаки? Или на нервной почве сознание рисовало картинки глубинных страхов, которые только укрепились после вчерашней стычки? Или это волнение перед сегодняшней встречей в казино?

Я снова закурил, превращая душное пространство спорткара, доставшегося вместе с «бизнесом» от отца, в пыточную. Стрелки часов медленно приближались к обеду, отрезая возможность передумать и задержаться. Телефон раздражающе зазвонил, показавшись слишком громким. Все сегодня было каким-то «слишком» раздражающим, громким, удушливым.

На экране высветилось имя Хорхе – моя правая рука, лучший друг и брат, если в нашем мире можно использовать эти ярлыки. Палец скользнул на зеленый кружок, принимая вызов. Хорхе нельзя игнорировать ни при каких обстоятельствах. Я взял это за правило, потому что друг никогда не беспокоил по пустякам.

– Если ты позвонил, чтобы снова рассказать о длинноногой стриптизерше, я прострелю тебе колено, – конечно, иногда он все же испытывал мое терпение. На том конце провода раздался нервный смешок, а затем парень коротко выдал:

– Приезжай быстрее. У нас гости.

– Черт, – выругался я, прикусив язык. Впрочем, сейчас я находился уже не в храме Господнем, а потому мог включиться в обычный режим. В тот, где я глава одной из испанских мафиозных семей, жестокий и беспринципный Аарон Гонсалес по прозвищу Тайфун.

Глава 2. Луиза (Лу)

Проклятый Матиас. Чтоб его сожрали черви! Додумался ведь отправить меня не пойми куда. Чтобы я еще раз согласилась на его сомнительные планы и просьбы! Семья семьей, а иногда свои планы надо ставить на первое место. В моем случае это оказалось бы куда полезнее.

Тысячу лет не была в этой церкви и еще столько бы не приходила. Но нет же, младшему брату, наследнику отцовских дел, банковских счетов, чернухи и кровавых перчаток, некогда. Прекрасный маленький Матиас, почему бы не послать только что вернувшуюся из другой страны сестру куда-нибудь. Хотел, чтобы я замаливала грехи? Обойдется.

Еще этот странный парень. Явно не просто так ошивался там. Не поверю я в то, что посреди дня явный коп отчаянно молился в церкви. И выправка, и взгляд, и пижонский костюм. Точно, коп. А если следил, то дело плохо. Отец вряд ли оценит.

Почти сентябрь. Я и забыла, что здесь в это время года так жарко. Невыносимо и ужасно, как в аду, в который нас так заботливо ведет папочка. Господи, как же мне было хорошо жить там, где никто не знал ни меня, ни моего имени, ни положения. Просто Луиза Перес, приехавшая откуда-то из глубинки Испании и едва разговаривающая на английском. Там было просто. Не нужно слушаться отца, брата, который на

четыре года младше, а по положению старше. Не нужно бояться, что в любой момент вражда с другими семьями выйдет за рамки, и кто-то отправится на тот свет, как… мама. Я не должна бояться смерти, я с рождения ее вижу, мы все когда-то уйдем, но от мыслей, что при очередных разборках пулю может поймать Мария, Матиас или даже отец, в груди колотился страх. Животный и первобытный. Такой, от которого сжималось все внутри, словно я девочка со стороны. Хотя все совсем наоборот. Правда, убивать не приходилось. Зачем, если за тобой почти везде следует охрана?

Дом отца, а если точнее, наш семейный дом, находился почти на самой горе, открывая вид на прогнивший город и море. Я любила и ненавидела это место одновременно. С одной стороны, мама растила нас здесь, тут появилась наша семья. А с другой, гости в лице неприятных особ далеких от закона частенько захаживали к нам, поставки, разборки.

Страшно прятаться в потайных проходах, пока к дому колонной съезжаются огромные машины, напичканные оружием. Впрочем, даже к этому привыкаешь, а потом постоянно держишь в бардачке пистолет. И запасной в дамской сумочке. Но мне пока что, ни разу не пригодились. Хотелось верить, что так и останется.

Оптимизм явно меня погубит, учитывая то, как натянулись отношения с другими семьями в последнее время. Матиас и отец пытаются договориться, но прошлая попытка закончилась тем, что мы остались без крупного клиента. И

отец еще не брался за месть. Не вовремя я вернулась. Не хочется подставляться под пули из-за того, что у семьи Гонсалес поехала крыша после ухода главного.

Пальмы, растущие по периметру участка, отчего-то стали раздражать, как и оранжевая, почти рыжая, отделка дома с его белыми балкончиками, колоннами и красной крышей. Я хотела вернуться в холод, туда, где росли сосны, где воздух пах прохладой, а не норовил задушить, как здесь. Но вместо того, чтобы сесть обратно в ярко-красный любимый кабриолет, уехать на другой конец страны, а оттуда в аэропорт, я уверенно переставляла ноги, слушая, как из-за каждого шага хрустит гравий.

На пороге дома уже ждал Матиас, подперев одну из колонн плечом. Брат смотрел, как я приближаюсь, щурясь из-за яркого солнца. За те полгода, что меня не было, он почти ни капли не изменился – все те же светлые, как у младшей сестры, волосы, слегка завивающиеся на концах, темно-зеленые глаза, рост почти под два метра и широкие плечи, которые он обычно скрывал под свободными пуловерами. И брат, и сестра сильно походили на маму, так, что почти каждый раз это вызывало тупую боль под ребрами. Мне же досталась внешность отца, полностью противоположная им: темные волосы, немного смуглая кожа, широкие брови, аккуратный нос и небольшой рост, единственное, что в нас с братом и сестрой одинакового – глаза и фамилия.

Матиас выглядел еще хуже, чем вчера: залегшие под гла-

зами тени, взъерошенные волосы, мятая одежда, вызывающая только один вопрос «как отец вообще выпустил его из дома в этом». Почти каждую секунду Матиас зевал. На какой-то миг мне стало его даже жаль. Непростые времена требовали непростых решений, и это целиком и полностью ложилось на плечи брата и отца. Мы с сестрой были удалены от этих дел, если можно так сказать. На мне висела вся черная бухгалтерия. А на сестре… ничего. Отец и близко не подпускал ее к нашему миру, правда, она и сама не желала подходить. Скорее всего, для нее мы пропащие, те, кого приходится называть семьей.

– Выглядишь паршиво, – проговорил брат, когда я поднялась по ступенькам.

– Говори это почаще, когда смотришься в зеркало, – ответила я, тут же угодив к Матиасу в объятия. Этим и были примечательны наши отношения, как бы мы ни ненавидели друг друга, как бы ни задевали, мы не делали этого всерьез. А если и случались крупные ссоры, то рано или поздно конфликт сходил на «нет», потому что наша сила заключалась в нашей семье. Мы не могли позволить размолвкам отодвинуть нас друг от друга. И не могли позволить внешним разборкам с другими проникнуть внутрь.

– Я скучал по тебе, язва, – прошептал Матиас мне в макушку.

– Я тоже скучала, великан, – да, то, чего мне искренне не хватало в Канаде, так это брата. Матиас – моя поддержка

и опора, хоть и младше на четыре года. Но я точно знала, что благодаря его авторитету, я до сих пор жива со своей привычкой постоянно лезть, куда не просят.

– Отец совсем тебя не щадит?

– Проблемы с казино, – туманно отозвался он, выпустив меня из объятий. Матиас открыл дверь дома, пропуская меня вперед. – Все никак не можем решить вопрос с Тайфуном.

– Снова сто страниц требований? – поинтересовалась я, входя в просторный холл, от которого в разные стороны шли небольшие коридорчики: налево большая гостиная, прямо еще пара разветвлений в кабинет, кухню для персонала, вход в подвал и гостевую уборную, а справа широкая лестница, ведущая на второй этаж и столовая. Этот дом выбирала мама, поэтому здесь много света, зеленых растений и живые цветы на небольшом комоде при входе. Небольшое воспоминание из детства – у мамы всегда стояли цветы в вазах в коридоре, гостиной и в спальне. После ее смерти это единственное, что отец оставил, как память о ней.

– Ты же знаешь отца, – проворчал брат, заворачивая в гостиную. В ответ я только кивнула, соглашаясь, а про себя думая о том, что у этого человека кроме основного плана и выгоды есть еще десять, а то и двадцать причин, и учтены все возможные варианты развития событий.

– Смотри, какого подкидыша я нашел на крыльце, – произнес Матиас, плюхнувшись на диван.

– Не время для шуток, – фраза папы показалась слишком

серьезной, как и тяжелый взгляд, которым он прошелся по нам. Предчувствие чего-то необратимого медленно закрадывалось в душу, заставляя, не отрываясь, вглядываться в суровые черты лица отца, отросшую за время моего отсутствия бороду и обрамляющие глаза морщинки. – У ребят проблемы в казино, сбор всех, – его слова прозвучали так, будто меня ударили молотком по голове, вышибая все мысли разом и заодно разум. Это то, чего я так сильно надеялась не застать.

– Ты тоже едешь, Лу, – я медленно опустилась на диван под испытывающим взглядом отца. Нет, нет, нет. В голове роились сотни вопросов, но вслух я не могла произнести ни одного. Главный из них так и орал «зачем?» Пора уверовать и молиться о том, чтобы никто из ребят не пострадал?

Глава 3. Аарон

Хорхе уже стоял около входа в клуб, когда машина, взвизгнув шинами, остановилась. Я глянул на неоновую вывеску, думая, на кой черт отец залез на территорию Перес, открыв бар на одном этаже с их казино. Клиенты все равно были общие, постоянно сновали туда-сюда, только раздражая своим мельтешением. По-настоящему большие деньги они все равно оставляли на столах у Перес, пытая удачу в покер или рулетке. К нам они заходили уже на мели лишь за тем, чтобы залить проигрыш выпивкой.

– Что произошло? – начал я, выйдя из машины. Стянул с себя пиджак, закатал рукава черной рубашки до локтя. Хорхе потупил взгляд, ничего не ответив. – Правильно делаешь, что молчишь. Я доверил тебе составление договора с ними, а вы устроили какой-то цирк. Обошлось без стрельбы? – бровь взметнулась вверх, а взгляд уперся в худощавого парня двадцати трех лет, высокого роста и с копной черных кудрявых волос.

– Пока да.

– Что значит «пока»?

– Пока они наставили друг на друга пушки, – пожал плечами он, – Перес приехал. Не один.

– Черт, – слишком много раз слово «черт» сегодня срывалось с моего языка, но других слов для описания ситуации не

находилось. Я все же надеялся, что неприятный инцидент не примет широких масштабов. Не хотелось привлекать к происходящему еще и ребят из участка. Все-таки для многих мое присутствие – шанс на избавление города от картелей. И так было когда-то. А сейчас остался лишь факт того, что отец резко свалил в «отставку», грея задницу где-то в Майами, его дела опустились на мои плечи, и с прошлыми благородными целями, которые бы одобрила вера, пришлось попрощаться. Так что я поправил брюки, перемещая пистолет за пояс.

Хорхе придирчиво оглядел меня, потом фыркнул, словно рассматривал несмешного клоуна в цирке.

– Когда-нибудь я действительно прострелю тебе колено, – я хлопнул его по плечу, затем первый вошел в стеклянные двери.

В холле, на удивление, было тихо. Даже слишком тихо, словно все вокруг замерло в ожидании чего-то неизбежного. Такая тишина обычно стояла перед тем, как кто-то выпускал первую пулю, подавая знак всем остальным.

Отсюда шло два пути: один вниз по левой лестнице в казино, второй по правой в бар. Я осмотрел сначала казино: двери плотно закрыты, свет выключен, как и всегда в это время. Слишком рано для выкачивания денег из туристов, а местные, в большинстве своем, знали и о том, кто эти места держал, и о том, как быстро потратить полугодовую зарплату, поэтому в трезвом уме они в эти места не забирались. Зато

по-пьяни сорили деньгами направо и налево.

В дверях бара обычно стоял кто-то из наших, особенно, когда внутри с кем-то велись переговоры, но сейчас место пустовало, позволяя сомнениям ютиться в голове. Я достал пистолет, Хорхе за моей спиной сделал то же самое.

– Я пойду первым, Ар, – прошептал парень, опережая меня. В неформальной обстановке он звал меня по давно забытому прозвищу, тянущемуся еще далеко из детства. Я только кивнул, соглашаясь с его словами. Мне рисковать не к чему, больше наследников у отца не было, а Хорхе всегда понимал специфику наших дел, все-таки он рос рядом со мной, буквально в моей семье. Как назойливый и любимый младший брат, которого я никогда не хотел.

Он короткими, тихими шагами прошел вперед, бесшумно приоткрыл дверь, проскользнул внутрь. Я двинулся следом, оценивая обстановку. Тишина все еще была оглушающей, не слышалось даже голосов. А затем раздался звук, который я надеялся сегодня не услышать. Кто-то выстрелил. Хорхе мгновенно подлетел ко мне и, сбив с ног, подтащил к одному из диванов. К этому моменту я уже сотню раз проклял отца за решение наладить отношения с Перес.

– Выглядит так, будто ждали только нас, – напряженно заметил парень, на секунду выглядывая из-за импровизированного укрытия. Возле его головы тут же просвистела пуля, войдя в стену напротив. – Вот говнюк, только недавно сделали ремонт! – рявкнул Хорхе.

– Тебя только это беспокоит? – уточнил я, озираясь по сторонам и выпуская несколько пуль в стреляющего.

– До тебя еще не добралась книга с расходами, – уклончиво ответил друг, проделывая все то же самое, что и я секунду назад. Ситуация стремительно выходила из-под контроля. Встать и сказать, чтобы все заткнулись тоже не вариант. Интересно, Перес был где-то здесь или смылся, боясь за свою драгоценную тушку?

Кто-то громко вскрикнул, затем раздалась еще пара выстрелов, тонна ругательств, звук разбившегося стекла – кто-то явно стрелял по бару, не щадя ни бутылки дорогого алкоголя, ни стеклянные полки. Теперь я бы согласился с Хорхе насчет ремонта, но надеялся на то, что никто из моих ребят не пострадал. А еще на то, что Перес не объединился с Санчес, потому что если это так, то мы окажемся в трудном положении, а если точнее, то в полной заднице.

– Перес, отзови своих, – крикнул я, ловя недовольный взгляд Хорхе. Вот уж кто, а он всегда любил порезвиться таким образом. Тем более с теми, с кем отношения давно и безвозвратно испорчены. Но в ответ от меня он получил только отрицательный кивок головой. Не сегодня, не среди дня и не здесь. План медленно, но очень верно разворачивался в моей голове.

– Иди к черту, – голос эхом отразился от стен, снова запустив череду выстрелов в обе стороны.

– Ты не Перес.

– Не дорос для разговоров с боссом, – ответил кто-то в перерывах между пальбой.

– Он точно приезжал? – я повернулся к Хорхе, строго вглядываясь в его черты лица.

– Сам его провожал, клянусь, Ар, ты ведь меня знаешь, – ответил он, только сильнее укрепляя два более возможных предположения: либо у нас завелась крыса, которая вывела Перес через наш черный вход, либо его здесь вовсе не было. Во второй вариант верилось неохотно, Хорхе никогда мне не врал, наученный опытом прошлых лет.

Я дотянулся до телефона, ткнул номер на быстром наборе. Звонок оборвался спустя три гудка, означающие, что процесс запущен и скоро дело решится быстро и деликатно.

Хорхе высунулся из укрытия, отстреливаясь. Осталось около минуты до решения вопроса. Вот только время тянулось слишком долго.

– Твою мать! – прошипел парень, ложась на меня и зажимая плечо пальцами, сквозь которые сочилась струйка крови, пачкающая белую рубашку.

– Уроды, – я осмотрел руку друга, замечая тонкую, аккуратную полосу порванной кожи, – жить будешь, но сиди здесь, – аккурат в это время снаружи раздался сигнал, из-за которого выстрелы мгновенно стихли. Затем зазвучали громкие голоса, оповещая о прибытии полиции.

В помещении началась настоящая суматоха, и если мои ребята знали, что им бояться нечего, потому что их прикроет

босс, то остальным повезло не так сильно.

– Стучать полиции, как некрасиво, Гонсалес, – я удовлетворенно ухмыльнулся, когда Перес появился в поле зрения. Значит, Хорхе все еще не смел мне врать.

– Некрасиво устраивать стрельбу в гостях у полицейского.

– Научи своих ребят общаться с женщинами.

– Так это все из-за женщины?

– Еще мне не понравилась пара пунктов в соглашении, поэтому договориться мы не смогли.

– И вряд ли сможем, – отозвался я на его лже-грустный голос. Скорее всего, старика не устроил пункт с денежным вопросом. – Советую уйти через черный вход, – я поднялся уже без страха нарваться на пулю. В общей неразберихе ее можно поймать случайно, а стрелять в главу одного из домов, который еще и детектив, так себе затея. Если, конечно, мозги на месте.

– Спасибо за гостеприимство, – хмыкнул мужчина, затем, любезно кивнув, направился в сторону кухни. Из-под расстрелянного стола вылезла хрупкая женская фигура в полосатом костюме, который, казалось, я уже видел раньше.

– Всем оставаться на местах! – в клуб ворвались ребята в форме.

– Уже все в порядке, – я поднял руки, рассматривая команду, которую вверили мне перед уходом отца. Они одновременно спрятали оружие, рассматривая разгромленный клуб.

– В следующий раз зови нас до того, как все закончится, – устало проворчал Дэни, осторожно садясь на край кожаного, но теперь беспощадно продырявленного, дивана, – составлять рапорт будем? – я отрицательно мотнул головой.

– Оформлю, как учения.

– Ну и козел же ты, Аарон, – укоризненно сказал мужчина, – твои игры до хорошего не доведут. Тебя либо посадят, либо пустят пулю в лоб. И будет это очередной картель или кто-то из управления, сказать сложно.

Я достал из кармана брюк пачку сигарет, на мгновение лицо осветилось вспышкой огня, а затем в потолок взметнулся дым.

– Ты хочешь, чтобы еще и система сработала? – возмутился Хорхе, осматривая раненых. Черт, совсем забыл про пожарную систему.

Сигарета мгновенно отправилась на пол, потому что ни одной целой пепельницы не осталось. Внимание вернулось к Дэни, глаза бегали по его статной, но постаревшей фигуре, рассматривали седину в волосах, многочисленные морщинки, исполосовавшие лицо, усталый и по-отечески добрый взгляд.

– Знаю, – от желания закурить стянуло горло, я оглянулся на бар, выискивая хоть одну уцелевшую бутылку. Но вместо того, чтобы выпить, задумался. В памяти всплыл образ в полосатом костюме – девушка около церкви. Слишком странное совпадение.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, – проговорил мужчина, затем оглядел царящий вокруг хаос, одним взмахом руки поднял команду и, не сказав больше ничего, вышел из клуба.

Я кивнул Хорхе на черный вход. В полной тишине мы вышли на улицу, где солнце уже клонилось к закату, но все еще жгло открытые участки кожи. Сигарета наконец-то оказалась в руках, организм получил свою долю отравы.

– Сводка.

– Роби убит, еще двое ранены, если не считать меня, – быстро и тихо подвел итог Хорхе, тоже достав сигарету. – Старик нам дорого обошелся, – я затянулся, тяжело выдохнул, запрокинув голову и закрыв глаза. Он прав. Слишком большие жертвы, слишком большой ущерб. Пусть Роби и не был высококлассным парнем с чистой совестью, но все-таки на его верности многие могли бы поучиться.

Почему в моей жизни не было ни одного человека, на которого можно спихнуть всю эту работу?

– Собери ребят, мне нужна вся информация о семье Перес, позвони Дэну, пусть подключит своих, – кажется, пора принять неизбежное, пора решить на какой стороне я остаюсь и для чего. Дэни прав. Меня неизбежно отправят на тот свет, это только вопрос времени. – Так мы это не оставим.

Глава 4. Луиза (Лу)

У меня было всего два вопроса: что произошло и зачем.

Матиас, перехватив меня поперек талии, быстро запихнул в машину, бросив на светлое сидение внедорожника. Смерил тяжелым взглядом, из-за которого почему-то сразу стало ясно, что мое возвращение – самая огромная ошибка, какую я только могла совершить в жизни.

Сердце колотилось в груди так сильно, будто считало каждую выпущенную пулю в воздух в гребанном клубе Гонсалеса. Какой придурок додумался стрелять? Придушила бы собственными руками.

– Какого черта? – я повернулась к брату, пытаясь выяснить хоть что-то. На этой встрече я должна была играть роль бухгалтера. Бухгалтера! А не мишени с красным крестиком на голове.

– Успокойся, Лу, – ладонь в успокаивающем жесте взметнулась в воздух, но Матиас всегда знал, что это только сильнее раздражало меня. Каждый раз мы это проходили. Каждый раз, когда брат пытался спустить какие-либо ситуации с рук.

Я серьезно глянула на Матиаса, пытаясь понять, ударить его сейчас или потом. Тут же меня нашел взгляд отца, превосходящий, давящий, оценивающий, словно он сделал что-то великое и теперь ждал реакции.

– Вы все знали?! – воскликнула я, додумываясь до гениального, в кавычках, плана.

– Конечно, Луиза, – строго заметил отец, закурив прямо в машине.

– Почему я была не в курсе?!

– Потому что это не твое дело, – хмыкнул мужчина, издевательски растянув губы в усмешке.

– Не мое дело – угроза моей жизни?!

– Никакой угрозы не было, – нерешительно встрял Матиас, но я знала, что брат все равно на моей стороне, он считал, что в такие дела я должна быть посвящена. И с большой вероятностью вечером он явится в мою комнату с бутылкой виски.

– Ты преувеличиваешь, Луиза, – его голос был похож на яд, проникающий под кожу тонкими иглами. Тихий, темный и опасный, словно еще немного и угроза появится.

– Я не успела вернуться, а ты уже втянул меня во что-то.

– Лучше тебе и правда успокоиться, – нервный смешок сорвался с моих губ, я сложила руки на груди, отвернувшись к окну, за которым промелькивала когда-то любимая Испания. Сейчас же до боли раздражающая и кирпичиками крыш, и ярким солнцем, заставляющим щуриться, и суетой вокруг. Мне снова хотелось в Канаду. Там не было ни войн, ни страха, что однажды кто-то придет и все отберет. А ведь я замешана в бизнесе отца, и мне бы тоже пришлось отвечать за все его грязные дела, если бы кто-то решил копнуть

поглубже.

– Да, Лу, сходи с подружками на шопинг. Поменяй прическу, маникюр, или что вы там делаете, – отмахнулся Матиас, по примеру отца, достав сигарету.

– Вашими стараниями ни одной подруги у меня не осталось, – усмехнулась я, зная, что, мои проблемы никого не интересовали. – А водитель за подругу не сойдет.

– Возьми сестру, – предложил отец, я не сдержала порыв скривиться, отчего лицо изрезала гримаса отвращения вперемешку с ужасом. Столько времени наедине с ней я бы не выдержала.

– Что ты так кривишься, будто она тебе не сестра родная, а девка с панели?

– Она нет, я для нее – да.

– Не неси бред, Лу. Она любит тебя точно так же, как я, – проговорил Матиас, притянув меня в медвежьи объятия, каждый раз заставляющие задумываться, как вообще в нем помещалась вся та жестокость, решительность и агрессия, что появлялась в делах. Отец всегда был вспыльчив, страшен, жесток и агрессивен. Матиас же мог быть нежным, спокойным, вдумчивым. Не знаю, объяснялось ли это его привязанностью ко мне или нежеланием быть похожим на отца, что при его внешности сделать довольно просто. Между ними не было ничего общего, кроме, пожалуй, высокого роста и взгляда, который легко внушал благоговейный ужас.

– Я рада, что тебе весело, – выплюнула я, высвобожда-

ясь из цепкого кольца рук. Матиас тихо усмехнулся, отец потерял к нам интерес, с привычно серьезным лицом печатая что-то в телефоне. Взгляд снова скользнул по статной, почти величественной, фигуре, вызывая желание поежиться от всех слов, что хотели вырваться. Вряд ли когда-нибудь он поймет, что тащить своих детей в кучу событий, из которой они могут даже и не выбраться – дерьмовый план. Особенно, если кто-то из этих детей даже не в курсе ситуации.

Машина плавно поднималась вверх, к самой вершине холма, на котором стоял дом отца, или вернее, дом семьи Перес. Величественный, холодный и неприступный, прямо как и его хозяин. Интересно, когда Матиас примет управление семейным бизнесом, атмосфера изменится?

Но, скорее всего, это произойдет не так уж и скоро, поэтому пока что дом отталкивал, показывая истинную суть мафиозного мира. Особенно в свете заходящего за горизонт солнца. Дом будто подсвечивался снаружи жидким золотом, а в окнах царила такая темнота, будто из них сейчас начнет сочиться самая настоящая тьма, но когда автомобиль остановился на подъездной дороге, я влетела в двери дома первая. Желания находиться в этой компании не было, казалось, что общество отца отравляло. Я не хотела снова погружаться в эту жизнь. Правда, выбора мне не оставили. И каждый шаг на пути к комнате оказывался равносилен подписи в договоре кровью.

Моя старая комната находилась на втором этаже, в запад-

ном крыле, с которого, должно быть, сейчас открывался прекрасный вид на закат и море, переливающееся в лучах розового солнца. И в любой обычный день я бы попросила Марту – домоправительницу, принести мне ужин, расположилась бы на балконе с легким салатом и кофе в красивой кружке. Но сегодня больше всего манило спокойствие, горячий душ и полная темнота, в которой можно спрятать все эмоции в ожидании, пока мою квартиру в другом районе города подготовят к переезду. Всего несколько дней. Несколько невыносимых дней с постоянными напоминаниями от отца о моих обязанностях, встреча с сестрой и ее вечно осуждающим взглядом, пустотой, которая уже давно пронизывала каждый угол этого дома.

Я на ходу скинула туфли, оставив их в валяться на белоснежном ковролине в полном хаосе, стянула брючный костюм и скрылась в ванной комнате. Правда, душ ни капли не помог, только позволил усталости навалиться на плечи, разлившись по телу горячей волной, сбивающей с ног.

Но, когда я вернулась в комнату, возле небольшого дивана, около кровати, сидел Матиас, рядом стояла початая бутылка виски. Двойные двери на балкон были распахнуты, открывая вид на потемневшее небо, покрытое звездами, столик с двумя креслами. Вдалеке виднелись огни ночного города и море. Шум волн слышался и здесь, даря умиротворение. Пожалуй, этого в Канаде не хватало. Я скучала по морю, запаху йода в воздухе, который теплым ветром путал вью-

щиеся волосы.

– Ну, наконец-то, – пробурчал брат, – я уж подумал, что ты решила утопиться и оставить нас без возможности видеть твое чудесное личико.

– Я скорее утоплю всех вас.

– Ты бы не стала марать руки, – отозвался Матиас, похлопав по ковру рядом с собой. Я опустилась на пол, сев в позу лотоса, – ставлю на то, что ты бы заплатила за грязную работу. Или подложила бы бомбу. Этот дом тебе никогда не нравился.

– Мне кажется, ты слишком много знаешь, – я отобрала бутылку из его рук, сделала жадный глоток, чувствуя, как горло обожгло. На языке осталась приятная теплота и легкое послевкусие сливы. Матиас хрипло рассмеялся, достав сигарету.

– Ты же моя сестра, – мы замолчали, передавая друг другу бутылку и сигарету. Почти как в старые добрые, когда приходилось прятаться от нянек, чтобы изрядно набраться или покурить. Наверное, нас с братом можно назвать теми самыми богатенькими ребятами, которым все равно на других, избалованные, наглые, попробовавшие почти все из-за доступности и дозволенности. Это могло быть правдой, но не было. Может быть, только наполовину. Мы привыкли заступаться друг за друга. По крайней мере, я и Матиас. Сестра никогда не стремилась оказаться в мире беззакония и безбожия.

– Ты совсем не рада, что вернулась? – спросил брат, вы-

пуская в потолок дым, витиеватыми узорами растворяющийся на белом полотне. Я усмехнулась, забирая у него сигарету. Рада ли я?

– Не знаю, – призналась я, – не думаешь, что у этого какой-то особый подтекст?

– Разве не сама захотела?

– Учеба закончилась, – я пожала плечами, меняя сигарету на бутылку виски, – отец сказал, что я нужна ему здесь.

– Думаешь, что-то назревает?

– Вряд ли ему понадобился бухгалтер под рукой, когда на хвосте полиция, а за забором война с двумя семьями.

– Спрятать информацию?

– Проще в Канаде, – мотнула головой я, задумываясь о таком скором возвращении. И, правда, смысл? Отцу было бы проще держать меня в Канаде, где никто не знал, кто я. Как и убрать меня там. Но я почему-то понадобилась ему здесь.

– Мне тоже ничего не известно, я думал, что ты по нам соскучилась, – усмехнулся брат, глянув на меня с легкой улыбкой.

– Не дождешься, медведь, – я потрепала его по светлым волосам, все-таки понимая, что брата мне там не хватало, его шуток, задорной улыбки, небывалой серьезности, когда это требовалось. Пожалуй, если и подрывать кого-то из семьи Перес, то точно не Матиаса.

– Я безмерно рад, что у нас такие теплые отношения, Луиза, – ядовито проговорил Матиас, затем еще раз глянул на

меня.

– Что бы ты без меня делал?

– Вероятно, умер бы от скуки в свои двенадцать из-за паранойи отца, – я рассмеялась, опустив голову. Да, все мы тогда оказались на грани сумасшествия из-за очередных разборок с мексиканцами, с которыми отец хотел наладить поставки. Он так боялся, что нас могут использовать, что запер дома на несколько недель. Так что приходилось выдумывать занятия. Наверное, тогда мы с Матиасом и сблизились, то убегая от охраны, то прикалываясь над учителями. Мария же предпочитала корпеть над учебниками, поэтому изредка выглядывала из комнаты, чтобы попросить нас вести себя потише.

– Именно! Можешь считать, что я показала тебе этот мир!

– Так и было, Лу, – внезапно из голоса брата пропало все веселье, словно его окутал едва заметный туман ностальгии. – Ты была взрослой, чтобы мы с Марией могли подольше оставаться детьми. И не важно, что уже в четырнадцать отец начал готовить меня к делам.

– Кажется, она так и осталась ребенком, – отозвалась я, отбирая у брата уже вторую сигарету.

– А почему нет? Может, хоть у нее все будет по-человечески, – хмыкнул Матиас. Хотелось бы, чтобы в этих словах крылась правда. Все же, какие бы разногласия не висели между мной и Марией, она моя сестра, я не хотела осуждать ее или злиться на то, кем она выросла. Я видела, как

из маленького орущего комочка она превратилась сначала в девочку, отказывающуюся читать, а потом в девушку, которая выбирала компанию старых послушниц в церкви на холме вместо вечеринок и парней. Правда, мое нежелание осуждать сестру никогда не было взаимным. По какой-то причине Мария не особо меня любила. Кажется, мы выросли слишком разными, далекими друг от друга, как север и юг. Да и Мария часто оказывалась не тем, кем являлась на самом деле. Странно, что это видела лишь я.

– Ты прав, – согласилась я. В комнате воцарилась тишина, в которой мы сидели до тех пор, пока Матиас не поднялся на ноги и не подал мне руку. Я встала вслед за ним, чувствуя, как затекли ноги и спина. Взгляд брата скользнул по моему лицу, затем Матиас неловко потянулся.

– Пора спать.

– Рада, что ты это понял.

– Добрых снов, – отозвался он в ответ с легкой усмешкой на губах и вышел из комнаты, оставив после себя полную тишину. Я достала из кармана брюк пачку сигарет, закурила, пытаясь уложить события одного дня в голове. Вот я и вернулась из скучной, предсказуемой жизни в давно забытое безумие. И, признаться, иногда мне не хватало этого сумасшествия, будто оно уже давно часть моей сущности. Той ее темной стороны, что скрывалась за семью замками. Той, что жаждала крови и пепла, упивалась властью, с радостью пила лучший виски и курила прямо в комнате с белоснежным

ковром, не заботясь о том, что искры могли испортить мягкую поверхность. Мы все уже давно прогнили. Эта испорченность текла по венам вместо крови, насыщала легкие вместо кислорода. И я удивлена, что первым словом всех трех детей семьи Перес было не «дерьмо».

***

Единственной подругой, которая у меня осталась, можно назвать водителя по имени Генри. И то «подруга» из него вышла неважная. Разговаривал мало, сплетни не пускал, кофе на миндальном молоке не пил. С добавлением виски, кстати, тоже. Только молча таскал пакеты, которые я набивала почти в каждом бутике, щедро раскидывая деньги отца. Зато Генри выглядел так, будто сошел с обложки какого-нибудь журнала: черные волосы, переливающиеся в свете солнца, бронзовая кожа, широкие плечи, карие глаза, пухлые губы и прямой, красивый нос.

И к тому же у Генри присутствовала куча других преимуществ. Например, заднее сидение в машине, где можно вполне удобно поместиться вдвоем в поиске быстрого удовольствия и удовлетворения своих потребностей. В прошлом. Сейчас Генри был женат. Что немного усложняло задачу быстро и без последствий забыться на несколько минут. Но с другой стороны облегчало жизнь, не оставляя времени на бессмысленные разговоры. Так что целое утро Генри мрачной тенью следовал за мной, изредка шурша пакетами.

Не скажу, что это не доставляло удовольствия.

Сейчас я снова смотрела на промелькивающую за окном машины Испанию. И сегодня она казалась привлекательнее, чем вчера. Даже компания бывшего любовника была в сотни раз приятнее компании отца. Наверное, это многое говорило о семейных отношениях.

Я открыла окно, намереваясь закурить, но не успела этого сделать. Генри с водительского управления поднял стекло обратно, а сигарета, зажатая губами, упала на колени. *Только не это.*

Машину окружило несколько черных внедорожников. Паника мгновенно разлилась по телу, заставляя тупо пялиться на Генри в поиске ощущения безопасности.

Скажи, что все будет хорошо. Скажи это!

Но мужчина молчал, а я чувствовала, как ужас заставлял ладони дрожать. Мы здесь совсем одни. И нам вряд ли кто-то сможет помочь.

Генри достал пистолет, попутно набирая номер главы охраны отца.

Из автомобилей появились несколько человек с оружием и в масках. Дело полная дрянь.

Дверь с моей стороны открылась. Фигура в маске нависла надо мной, воображение почему-то дорисовывало ехидную усмешку на его губах, которая, казалось, виднелась даже сквозь черную ткань.

– Твою мать, – я пнула мужчину куда-то в грудь, затем за-

хлопнула дверь и отодвинулась в противоположный угол сидения. На выборе «бей или беги», обычно я выбирала «бей», а потом «беги».

– Не рыпайся, – Генри в полной собранности развернулся в мою сторону. И в этот момент раздался звук выстрела, на несколько секунд оглушив и заставив потеряться в пространстве. Пуля пробила лобовое стекло, войдя прямо в голову водителя, окрашивая все вокруг мелкими брызгами крови. Глаза Генри раскрылись в удивлении, изо рта вылетел невнятный хрип, а я смотрела на то, как его веки медленно опускались, а тело плавно накренялось вперед. Словно в замедленной съемке, за которой я наблюдала со стороны.

Будто под толщей воды я услышала звук открывающейся двери, но сознание вернулось слишком поздно. На голову опустился мешок, скрывая все краски эмоций и покрывая тело связывающим чувством страха. Так и хотелось орать о том, что я была права. Мать его, я так и знала, что рано или поздно меня прикончат.

– Генри! – крикнула я, ощущая сильную хватку на локте. В ответ прозвучало лишь молчание, пробирающееся липким холодом и страхом в волосы на затылке.

– Вот мы и встретились, птичка, – вкрадчивый голос раздался прямо около уха, и если бы сейчас на мне не было мешка, то горячее дыхание точно бы коснулось шеи.

– Иди к черту, – по-змеиному прошипела я, так и хотелось плюнуть ядом им в лицо, смотреть, как эти люди корчатся от

боли за то, что вообще посмели прикоснуться ко мне. Кто-то усмехнулся, а потом меня запихнули в машину, словно товар. Впрочем, именно им я сейчас и была.

Глава 5. Аарон

Луиза Перес – старшая дочь Фелипе Перес, двадцати двух лет, всего день назад она вернулась из Канады, где училась в магистратуре на экономическом факультете. Похвально. В любой семье всегда должен быть свой врач, юрист и бухгалтер. На все случаи жизни, так сказать. Интересно, кто из остальных его детей врач, а кто юрист? Сын Матиас в свои восемнадцать еще не получил образования, о младшей дочери Марии неизвестно ничего. Фелипе самый старший глава из всех существующих в городе семей. Удивительно, что он до сих пор не передал власть сыну. Хотя, судя по возрасту и коротком досье от Дэна, все предельно ясно – Матиас – мальчик еще маленький. Вряд ли бы такой человек, как Перес, доверил Луизе что-то кроме счетов. И дело не в том, как я относился к женщинам или смотрел на мир. И с моей стороны было не то, чтобы смело, а очень смело забирать ее. Но я все же сделал это.

Луиза Перес сидела в нескольких сантиметрах от меня, буквально проедая легкие стойким и сладким парфюмом. Не сказать, что он был неприятным, скорее, очень приторным, и в закрытой машине чувствовался очень сильно.

Девушка даже не дрожала, она замерла, будто статуя, словно все ее чувства и страх выключили. Руки сцеплены в замок на животе, причем пальцы одной ладони медленно,

едва заметно, но с напором трут тыльную сторону другой, спина неестественно прямая. Она буквально не позволяла себе бояться. Или такое для нее не ново?

Я задумчиво оглядел девушку, снова подмечая брючный костюм с жилеткой поверх голого тела. Кажется, это ее любимый набор. На ногах красовались туфли на тонком, высоком каблуке.

Внешне Луиза Перес почти ничем не отличалась от своего отца: черные кудрявые волосы, смуглая кожа, выправка и какая-то еле уловимая резкость, граничащая с плавностью. Она явно привыкла брать то, что принадлежит ей, и это, пожалуй, тоже их общая черта. Интересно, зачем она заявилась вчера в церковь? В то, что Луиза Перес верующая, я не верил. И не поверил бы в это даже с дулом у виска. И либо девушка следила за мной, либо была еще какая-то причина, по которой она там оказалась. Хороший вопрос. Нужно бы внести его в список других.

Хорхе вел машину, огибая толпы туристов и местных жителей, пытающихся скрыться от назойливой и удушливой жары. Внутри работал кондиционер, иногда доходящий до такой температуры, что даже хотелось поскорее оказаться на улице. Но сейчас важнее жары или холода было довести девушку до места, не потеряв при этом никого из ребят. И козырь в рукаве.

Телефон в кармане брюк пискнул. От этого звука по лицу расплылась довольная усмешка. Я уже знал, что именно мне

написали. Фелипе Перес обо всем узнал. Радовало, что пока все шло по плану. Если все и дальше будет идти так, как задумано, то на моем банковском счету добавится пара нулей. А бизнес немного разрастется.

– Тайфун, – позвал Хорхе, глянув в зеркало заднего вида. Луиза сбоку еле ощутимо вздрогнула, вызывая этим действием ухмылки на наших лицах. Значит, наслышана обо мне. Что ж, это к лучшему, будет покорнее, чем при первой встрече. – Мы на месте.

Я кивнул, выбираясь из машины. Следом за нами на территорию одного из складов, принадлежащих когда-то моему отцу, въехало еще несколько автомобилей. Хорхе, аккуратнее, чем в прошлый раз, вытащил Луизу, придержав за локоть. Она же стояла с гордо выпрямленной спиной, словно была не жертвой обстоятельств, а сама сюда пришла, и бояться стоило мне. Но вот чего, а страха я в себе точно не находил. Может быть, только немного усталости от происходящих событий.

Приторный аромат духов Луизы, кажется, переметнулся и на меня, до сих пор этот цветочный запах чувствовался в носу, словно она все еще сидела рядом. Я глубоко вдохнул влажный, раскаленный морской воздух. Легче не стало. Парфюм проник в легкие еще глубже, будто вторя тревожному голосу в голове. Наверное, зря я это затеял. Но разум был сильнее, поэтому я только сунул сигарету между губ, пытаясь избавиться от навязчивого присутствия этой девушки.

Луиза Перес доставляла много неудобств.

Мы вошли в большой ангар. Раньше его использовали, как склад для товаров немного незаконного бизнеса отца, сейчас же, с моим приходом и связями в полиции, он оказался не нужен, а потому пустовал. Кроме старого стула и пары ржавых бочек, больше ничего не было. Хорхе усадил девушку, связал руки за спиной. Около десятка парней окружили ее, но выглядело это слишком… неправильно.

– Останемся я и Хорхе, остальные по периметру, – в ответ не прозвучало ни слова, но приказ был выполнен. Я дал знак Хорхе, он стянул мешок с головы Перес, отчего кудрявые черные волосы распушились, разрушая идеальную укладку.

– Будешь пытать? – сходу спросила девушка, сдув прядь с лица.

– Думаешь, я из тех, кто бьет женщин?

– Думаю, ты из тех, кому все равно, кого бить, *Тайфун*, – криво усмехнулась она, вызвав этими словами тихий смешок Хорхе. Да, он точно знал, что я из *этих* только в крайнем случае.

– Такая про меня ходит слава? – я облокотился бедром на бочку, принявшись медленно надевать кожаные черные перчатки. Перевел взгляд на девушку, пытаясь разгадать эмоции, но бесстыдница не выглядела напуганной. Уже в который раз этот факт бросался в глаза. Она ничем не выдавала свой страх, панику или желание исчезнуть.

– Для чего позвал? – Луиза откинулась на спинку стула,

который тут же отозвался скрипом, ударившим по тишине. – Хотя обычно я сначала рассматриваю приглашения, – она поерзала, устраиваясь поудобнее, сложила ногу на ногу, будто я находился на аудиенции у нее. Хотела казаться больше и важнее, почти получилось. Вероятно, на ком-то сработала бы эта маска сильной и независимой.

– Мы посидим, поболтаем, пока ждем твоего отца.

– Удачи с этим, – рассмеялась девушка, запрокинув голову назад и открыв шею. – Он ни за что в жизни не явится лично. Моему отцу будет проще послать сюда армию целого государства, чем рисковать своей жизнью, – уже более серьезно добавила она.

– Тогда ты будешь удивлена, когда он приедет.

– Ты хоть знаешь, кто мой отец? – изящная бровь вопросительно изогнулась.

– Конечно, знаю, *Луиза Перес*, но сейчас не об этом, – ладонь взметнулась в воздух, останавливая поток отрицаний, я приблизился к девушке, наклонился к ее лицу, вглядываясь в яркие зеленые глаза, отливающие в почти желтый. Внешность Луизы Перес, бесспорно, была красива, притягательна, завораживала взгляд, но вот ее натура граничила с чем-то демоническим, неправильным. – Что ты делала в церквушке на холме вчера?

– Грехи замаливала, – усмехнулась она, ловя мой взгляд. Что ж, я не ожидал, что будет легко.

– Ответ неверный. Следила за мной?

– Ты много на себя берешь.

– Интересное совпадение, правда? – проговорил я, немного отстраняясь. – Утром я сталкиваюсь с тобой у церкви, а всего через несколько часов мой клуб превращают в груду стекла, тогда как казино твоего отца не тронуто.

– Зато его дочь сидит перед тобой.

– Ты много на себя берешь, – также заметил я, снова приблизившись к ее лицу непозволительно близко. Вряд ли бы Господь простил такое отношение, но я уже давно не искал его прощения. – Что ты делала в той церкви? – пальцы скользнули на подбородок девушки, отрезая возможность отвернуться или отодвинуться. Именно в этот момент я увидел то, что до сих пор ей удавалось скрывать. Страх. Эмоция мелькнула в глазах всего на один миг, затем сменилась гневом, словно Луиза запрещала себе бояться.

– Иди к черту, – процедила она с таким видом, что мне показалось, еще секунда, и она плюнет в меня. Но вместо этого палец на ноге пронзила острая боль. Чертовка наступила каблуком мне на ногу!

Хорхе шагнул в мою сторону, но остановился, когда я расхохотался. Луизу такой поворот тоже дезориентировал, девушка глупо хлопала ресницами. Кажется, нам удалось друг друга удивить.

– Приехали, босс, – в ангар заглянул один из ребят, заставляя убрать пальцы от лица Луизы. Мы втроем синхронно повернулись на звук подъезжающих машин.

– Сейчас ты удивишься, птичка, – хмыкнул я, отходя от девушки и снимая перчатки. – Встретим гостей, друг, – Хорхе тут же усмехнулся, бросив на Луизу какой-то непонятный взгляд.

– Я придушу тебя голыми руками, малец, если с ней что-то случилось, – грозный рык эхом пролетел по всему ангару, когда Фелипе Перес показался в дверях. Он оглядел меня, Хорхе, затем взгляд нашел Луизу, при этом ни одной эмоции не промелькнуло на его лице, и внимание снова вернулось к Хорхе. Мужчина небрежно махнул рукой в сторону дочери. – Развяжи ее, – бросил он, я кивнул, разрешая другу это сделать, – и чего ты добивался? Нас больше, мне будет несложно дать команду всех перестрелять.

– Не торопись, – отозвался я, – мой клуб ваши ребята нехило потрепали. А ведь недавно ремонт сделали.

– Позвал поплакаться?

– Договориться, – едкая усмешка разлилась по лицу, когда слух уловил щелчок и шумный выдох Луизы. Фелипе глянул мне за спину, и я знал, что он сейчас там видел Хорхе, держащего девушку. И пистолет у ее головы.

Перес запустил руку под пиджак.

– Ты же видишь, что я безоружен. А за убийство детектива, то есть меня, конец и тебе. Уйдем в могилу вместе.

– Твоя взяла, но отпусти ее.

– Нет уж, – я легко покачал головой, в глубине души радуясь, что все до сих пор шло по плану. – Бесстыдная птичка

– гарантия моей безопасности.

Глава 6. Луиза (Лу)

Детектив. Детектив, мать вашу! Это только у меня одной вызывало подозрения? Какого черта мы сталкиваемся в церкви на холме, потом в клубе отец отказывается подписывать документы, а теперь я здесь, чувствую холодный металл у виска?

Это было не просто странно – уход Гонсалеса-старшего, мое скорое возвращение, Тайфун и все происходящее, – это было очень странно. Почему отец ничего не предпринимал? Почему только смотрел на все это?

А ведь я сразу почувствовала в нем что-то такое… слишком правильное для нашего мира. Он не похож на того Тайфуна, о котором все говорили. Этот вообще постоянно вспоминал о Боге и вере, словно одержимый. Неужели он отрицал все обычное, мирское? Но ведь при этом занимал место главы семьи, разве это не перечеркивало все его убеждения? Если нет, то либо он не так уж и религиозен, либо место отца, лишь прикрытие для чего-то более изощренного. И ни один из пунктов не внушал доверия. Гонсалес был темной лошадкой, появился из ниоткуда не так давно, служил в полиции, похитил меня, что, честно сказать, плюсиков в карму ему не добавляло.

Отец и Тайфун о чем-то тихо переговаривались, изредка взгляды направлялись ко мне, зажатой в тисках придурка

Хорхе. Из-за него прическе пришел конец, туфли испачкались в грязи, а костюм придется отстирывать от едкого запаха топлива и грязи или проще даже выкинуть.

Висок все еще холодил металл. Много неприятных воспоминаний. Слишком много. Почему раз за разом жизнь окунала меня в одни и те же ситуации? Почему я не могла вынырнуть из этого порочного круга? Почему у Марии была такая возможность, а у меня нет? Только потому, что я старшая? Но наследство все равно уйдет брату, так какой смысл в этих отцовских стараниях?

– Жду завтра, у меня. Только ты и он, – громче обычного проговорил отец, кивнув в сторону Хорхе. Я дернулась, пытаясь выпутаться из стальной хватки мужчины, но он только сильнее прижал к себе. – И Луиза идет со мной.

– Нет, птичка все еще гарантия безопасности, – покачал головой Тайфун, растянув губы в хищной усмешке. – Она приедет завтра вместе со мной. И никто ее не тронет, – уже более серьезно заметил мужчина, задрав подбородок так высоко, что на долю секунды мне показалось, что отец не сдержится. Видимо, так показалось и Хорхе, потому что ощущение, впивающегося в кожу на виске пистолета стало сильнее.

– Идет, – сквозь зубы выдал отец, а на меня будто вылили ведро ледяной воды.

– Удивилась, птичка? – Тайфун с хищной улыбкой развернулся в мою сторону, пряча руки в карманы брюк. Возможно, если бы я не прогуливала тренировки по боксу, то

оружие Хорхе могло бы оказаться в моих руках, а пуля из него вошла бы прямо в лоб Гонсалеса. Но я лишь усмехнулась, качнув головой.

– Чего ты ожидал? Семейных разборок? Ты получишь их только на моей могиле. Или я расскажу о них на твоей, – Хорхе хмыкнул в непозволительной близости от моего уха, заставив скривиться от отвращения.

– Не груби, Луиза, – влез отец, затем снова вернул внимание к Тайфуну. – Если хоть волос упадет с ее головы, твоя будет висеть на пике перед балконом ее комнаты, – не знаю, от чего было противнее – от его притворной заботы, от мнимого сожаления или от мужчины, который все еще прижимался ко мне. Не сказать, что он не симпатичный, но с ним в одной постели я точно не захотела бы оказаться.

– Я знаю, что такое месть главы семьи, – в голосе Тайфуна прорезались какие-то стальные, жуткие нотки, будто он действительно знал, о чем говорил. Я же видела такую месть всего однажды, и это поистине зверское зрелище. Даже для меня, привыкшей к жестокости.

Отец на это лишь кивнул, а я снова почувствовала себя обделенной информацией. Какого черта от меня все еще что-то скрывалось? Почему все от меня что-то хотели? Что им всем было нужно? Почему каждый использовал меня в своих целях, но никто не признавался для чего?

Но вместо того, чтобы закидывать их вопросами, поддаваться панике, мой подбородок был вздернут, а взгляд холо-

ден. Ни одной эмоции, ни единой крупицы страха. Я выгрызу ответы из глотки Гонсалеса, если мне это потребуется. Вот только быть разменной монетой мне не нравилось.

Хватка заметно ослабла, я встала ровно, по ногам пролилась усталость от долгого хождения на каблуках. Все-таки на похищение и шантаж туфли за несколько сотен баксов вряд ли рассчитывались.

Хорхе подвел меня к отцу, который тут же вперил в меня серьезный, изучающий взгляд, пробегающий по лицу, открытым плечам, одежде.

– Тебя не тронули? – спросил мужчина, чем вызвал нервный смешок Гонсалеса. Интересно, если бы сейчас прозвучало «да» что-то бы изменилось?

– Ты же видишь, что у них целые пальцы, – выдала я, вспоминая, что это не совсем правда. И это приносило нереальное удовольствие. Надежда на то, что Гонсалесу было хоть немного больно, наполняла душу настоящей радостью. И, кажется, он понял, что я имела в виду, потому как тихо хмыкнул, отведя взгляд в сторону.

– Всего одна ночь, Луиза, – проговорил отец, то ли уговаривая себя, то ли успокаивая меня. Да уж, одна ночь в доме врага. В доме человека, который похитил меня и… осознание прошибло неожиданно, словно все это время я не позволяла себе думать. Но теперь, в относительной безопасности, мысли нахлынули водопадом, уносящим меня бурным потоком на самое дно, забитое острыми камнями.

– Что с Генри? – прошептала я, вцепившись в предплечья отца, будто это могло как-то изменить ситуацию.

– Да, кстати, Тайфун, – мужчина перевел взгляд на Гонсалеса, стоящего рядом, – Что с Генри?

– Жизнь за жизнь, – усмехнулся он. И небрежность, с которой он бросил эти слова, так и будила желание вцепиться в его лицо, царапая, пиная, причиняя боль. Хоть мы с Генри уже не были близки долгое время, но этот человек много раз вытаскивал меня из разных передряг. И его смерть забрала что-то с собой. Но вопреки желаниям, я просто стояла, глупо моргая и думая, что однажды мои ладони сомкнутся на его горле. Я хотела, чтобы он мучился от боли, когда будет умирать.

– Справедливо, – ответил отец, разрезав лицо едкой усмешкой. И в этот момент я была близка к нескольким убийствам. Там, в клубе, они сами напросились. Парень первым посмел раскрыть рот в мою сторону, это его язык произнес в мой адрес много нелестных слов с понятным содержанием. А я не прощала таких выражений в свой адрес. И если мне хватило послать его на три буквы, то это не значило, что кого-то из семьи это удовлетворило, учитывая и другие словечки.

Какой мир можно построить на том, что слова главы равнялись нулю? Гонсалес хотел призрачного мира, а получил идиотов, для которых его слова ничего не значили. Так что в какой-то степени я понимала, почему произошло то, что

произошло. За слова нужно отвечать, а уроки усваивать. Видимо, по мнению отца, нам тоже было чему поучиться у полицейского.

– Жду завтра в десять, – перевел тему отец, затем взглянул на меня. – Надеюсь на твое благоразумие, – как мило. Нотации перед ночевкой у «лучшего друга». Обещаю не беременеть и не спать с кем попало, ну и не убить никого в процессе. Но на всякий случай я скрестила пальцы.

Мужчина развернулся, направившись к выходу, и ни разу не оглянулся в мою сторону. Наверное, сейчас в крепкой хватке незнакомого мужчины стояла не Луиза двадцати двух лет, а маленькая девочка, так сильно ждущая отца с «работы». И только с возрастом она узнала, что под «работой» скрывались незаконные сделки, махинации на бирже, допросы, встречи, «случайные» поджоги и еще множество грехов, которые я тщательно оберегала.

– Едем, – бросил Тайфун, пойдя вслед за отцом. Хорхе убрал пистолет от моей головы, схватил за локоть с такой силой, что кожа побледнела, а по руке пронесся ток боли.

– Не обязательно так держать, видел мои туфли? Если не всажу шпильку тебе в глаз, то не убегу, – фыркнула я, выдергивая руку.

– Прости, красотка, жизнь научила не верить женщинам, – и если бы ситуация была другой, то я бы даже подумала, что он пытался быть дружелюбным. Но в нашем мире не существовало дружелюбия.

– Отпусти, – также коротко обронил Гонсалес, обгоняя нас и скрываясь в машине.

– А вот его жизнь ничему не учит, да? – усмехнулась я, быстрым шагом пересекая площадку под звонкий перестук шпилек об асфальт. Десять пар глаз наблюдали за тем, как я приближалась к машине. Неужели они так сильно боялись женщину? Убежать я бы не смогла при любом раскладе, убить Тайфуна или кого-то из семьи тоже. Так почему они смотрели так пристально? Я, конечно, неотразима, но не настолько, чтобы ломать глаза. Впрочем, не мои проблемы. Моей проблемой было остаться в живых.

– Вот скажи, правда, замаливал грехи в церквушке? – спросила я, садясь рядом с Тайфуном. Все внутри переворачивалось от отвращения к этому человеку. Я знала, что в нашей реальности смерть дело частое, но разве это понимание может уменьшить тупую боль в груди?

– Это не твое дело, птичка.

– Не мое, – согласилась, давя желание скормить ему его же галстук. – Не знаю, какие у вас договоренности с отцом, но вот как мне это видится: Гонсалес-старший куда-то исчезает, появляется младший, буквально из ниоткуда, и вот удивление, он детектив, случайно оказавшийся в одно время в одном месте с дочерью другого клана. При этом детектив пытается влезть в дела другой семьи, заключить мирный договор. Не странно?

– Сегодня мне удалось тебя удивить? – внезапно спросил

мужчина и, даже не поворачиваясь в мою сторону, закурил. Я отвела взгляд, потому что ответ был положительный. – Не отвечай, знаю, что удалось. Так вот завтра ты удивишься еще сильнее, – он мельком глянул на меня с таким видом, будто я несмышленый ребенок, которому нужно все объяснять, а мне хотелось лишь стереть эту усмешку.

Я отвернулась к окну, надеясь, что больше не встречусь с ним где-то, и, думая, что пора обзавестись планами на ближайшее будущее. И чтобы эти планы включали в себя не переезд в квартиру на другом конце города, а возвращение в Канаду.

Всю оставшуюся поездку мы провели в полной тишине. Хорхе изредка глядел назад, пересекаясь со мной взглядом в зеркале. Тайфун печатал что-то в телефоне. А я смотрела в окно. Мой же телефон остался в сумке, которая все еще лежала на заднем сидении в машине Генри. Задница… полная задница… у него осталась жена. Что я должна сказать ей? Отец ведь вряд ли возьмет на себя эту ответственность, учитывая, что женился Генри только из-за того, что однажды нас застукали в машине в весьма интимной обстановке.

Не успела вернуться, а тонна проблем уже окутала с головой.

Примерно через тридцать минут мы остановились около большого минималистичного белого дома на краю обрыва, уходящего в море. Удобно, наверное, и закапывать никого не приходится.

Если бы это место не принадлежало Гонсалесу, то я сочла бы его дьявольски красивым: дом прямоугольного вида с панорамными окнами, огромный сад со всеми возможными сортами роз, небольшие фонтаны и пение птиц. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая все в приятные теплые тона. Кто бы знал, что в доме настоящего чудовища могло быть так тихо и спокойно?

– Вызови ребят, и можешь ехать домой, – кивнул Тайфун, самолично открывая дверь машины с моей стороны, а затем обхватывая мой локоть. Его ладонь оказалась шершавой, теплой, и от контраста температуры внутри салона и его руки, по телу побежали мурашки, заставляя соски затвердеть. Мужчина, кажется, понял это как-то по-своему. До меня долетел еле слышный смешок.

– Так что, заплетем друг другу косички, будем пить вино и смотреть сопливые фильмы? Или что там делают на ночевках? – ехидно поинтересовалась я, двинувшись вслед за ним к дому.

– Ты будешь тихо сидеть в комнате, которую тебе отведут, а я работать, – безэмоционально отозвался он, впуская меня в просторный, полностью белый холл, отливающий немного в молочный цвет, из-за которого все казалось не таким больничным. Мебели здесь почти не было, но мужчина не дал времени рассмотреть обстановку, сразу потянув на второй этаж по винтовой лестнице.

Коридор тоже был пуст, за исключением нескольких вы-

соких ваз с цветами, только множество дверей расходились в разные стороны. Тайфун молча шел по коридору, и, конечно, радовало, что повел он меня не в подвал. То есть реально пожертвовал, если можно так выразиться, целую спальню. Но плюсиков в его карму это все равно не добавило.

– Даже вид красивый, все для тебя. Надеюсь, ты будешь помнить мою гостеприимность, птичка, – усмехнулся мужчина, открыв дверь одной из комнат.

– Мне интересно, каким образом в тебе помещаются все твои роли? Думаешь, сможешь избежать ада?

– Не думаю, – резко отозвался он, – там мы точно встретимся, – бросил он, а затем оставил меня посреди коридора, заставляя смотреть на его удаляющуюся спину. Аарон Гонсалес полон противоречий и загадок, вызывал много вопросов, ответов на которые у меня пока не было. И я не знала, хотела ли я их искать.

Я вошла в комнату, пользуясь тем, что дали. Все могло быть намного хуже. Меня могли определить в подвал, на цепь или того хуже, в круг мужчин без тормозов и принципов. А так у меня оказалась большая светлая комната с двуспальной кроватью, и Гонсалес не соврал, с шикарным видом: внизу волны разбивались о большие камни, обрыв зарос ярко-зеленой травой, а вокруг пролетали кричащие чайки. Какое-то изощренное единение с природой, от которого становилось жутко и спокойно одновременно.

Кровать так и манила, поэтому я, не теряя времени, растя-

нулась на белоснежных покрывалах, закрыла глаза, чувствуя, как усталость наваливалась на плечи и пригвождала к месту. Вот только тело устало, а мозг все еще работал, судорожно обрабатывая информацию. Это ощущалось слабым давлением на голову, а затем воспоминания, подобно горной реке, потекли друг за другом. Генри, кровь, на стеклах и в салоне, его замерший взгляд, медленное падение в сторону. Я зажмурилась, пытаясь не пускать эти образы в голову, но они все равно проникли внутрь, разнося преграды в виде времени и психотерапии в хлам.

Я снова окунулась в кошмар, стремительно уменьшаясь в размерах и ощущая только захлестывающий, словно морские волны, страх. Мне было до ужаса страшно. Маленькие ладони испачкались в крови, а по лицу, перемешиваясь с красным, текли потоки слез, заставляя захлебываться в кружащем вокруг ужасе. *Мама…*

Пальцы стирали кожу до жжения и покраснения, а кровь все еще не хотела смываться с рук. Почему она не оттиралась? Почему я не могла ее смыть? Почему я видела картинки самого худшего своего кошмара? Мама… Генри…. За что?

Я была готова визжать от накрывшей паники. Казалось, кровь была повсюду, ее металлический привкус ощущался на языке, а я не могла от него отделаться. И мне было так страшно, что сил кричать не осталось. И я снова осталась одна.

Глава 7. Аарон

Я просто ушел, оставив посреди коридора напуганную гостью, если ее можно так назвать. Пленницей, похищенной, жертвой она точно не являлась. Луиза Перес привыкла стоять на ступеньку выше остальных. Возможно, так сказывалось воспитание, возможно, в этом крылась схожесть ее характера с характером отца. Я не копал так глубоко, чтобы знать. Но каждый вопрос, почти каждая реплика выводила из себя. Кто дернул ее за язык, спросить про роли? Про ад и веру?

Как я совмещал это все в себе? С трудом. С огромным трудом, голосом совести и внутренними демонами, требующими крови и пепла.

Кабинет встретил пустотой и оглушительной тишиной – кто-то закрыл окна, поэтому привычного плеска волн и крика чаек не было слышно. Но сейчас, наверное, это не так уж и важно. Мне хотелось выдохнуть. Впервые за несколько суматошных дней, которые помотали по всему городу, сесть за рабочий стол и погрузиться в бумаги, неважно какие: из участка, счетные книги или досье, главное, упаковать мысли по подписанным коробкам.

Но когда я опустился в кресло, в глаза бросилась рамка с фото, на котором радостно улыбалась женщина. Была ли она счастлива на самом деле? Существовало ли счастье в ее жиз-

ни или все отведенное ей время на земле она жила в страхе? Почему такую чистую душу, судьба свела с жестоким, беспринципным человеком, каким был мой отец? За что ее срок на земле оказался столь коротким?

Я знал только то, что женщина с фото – моя мать, от которой мне достались черные глаза и вера в Бога. Она до конца жизни оставалась преданной тому, во что верила. Бог жил в ее сердце, одаривал любовью, и эту любовь она отдавала мне. И так я чувствовал, что мне все по плечу, что Он рядом. Но Он оставил меня, когда забрал ее.

И вера – единственное, что до сих пор соединяло с матерью, с воспоминаниями о ней, с любовью, с нежностью теплых рук.

Моя жизнь, правда, состояла из противоречий. Ради матери я хранил крупицу света и посещал церковь на холме, которой она всегда помогала. Ради отца взял управление над бизнесом. Ради самого себя служил в полиции. Мне нужно было знать, что моя душа еще не прогнила так сильно, что слава жестокого человека, бегущая впереди, не была правдой на сто процентов. Может быть, где-то глубоко внутри я жаждал искупления, и вопрос Луизы попал в ту точку, о которой мне не хотелось размышлять.

Я откинулся назад, запрокинув голову на спинку кресла. Дым струился в потолок, мысли толпились внутри, разрывая голову, а я не мог двинуться с места, чтобы хоть что-то сделать. Досье Луизы Перес лежало прямо под левой ладонью.

Там же находились папки о ее брате, сестре и отце. Информацию об их матери не нашел ни Хорхе, ни Дэни, что, по моему мнению, очень интересный факт биографии их семьи. Куда могла деться женщина, мать троих детей, часто мелькающая на публике? Может быть, стоило прошерстить новости. Но разрыв откажется слишком большим. Нужна ли мне эта информация вообще? О моей матери тоже нигде не осталось ни строчки, ее словно стерли из памяти других, из истории, из жизни. Хотелось бы и мне так легко стирать воспоминания, как в этом мире избавлялись от людей и любых упоминаний их существования.

Но такой привилегии у меня не оказалось, поэтому я докурил, затушил сигарету и подумывал после встречи с Перес отправиться в церквушку. Душе требовалось спокойствие и былая решимость. Особенно, когда семья Санчес поджимала сбоку, а Фелипе казался слишком нерешительным и задумчивым. Возможно, его одолевали все те же мысли, что и Луизу. И я не мог винить их в подозрениях, учитывая, что по делу Санчес я работал уже давно. Устранение этого клана освободило бы дорогу Перес, мне, очистило бы улицы города. И я надеялся, что мне удалось обойти его в этой гонке за расположение Фелипе. Хотя похищение Луизы вряд ли добавило мне плюсов в его списке.

Но это несущественные детали, потому что Луиза Перес уже завтра вернется к привычной жизни, снова начнет сорить деньгами направо и налево, и ничто не потревожит ее

покой. Наверное, легко жить, когда весь мир у ног, а тебе для этого не нужно ничего делать. Хотя я бы не назвал эту девушку той, кто бездумно пользуется тем, что дают. Впрочем, у меня было слишком мало сведений для того, чтобы составить полноценный портрет Луизы Перес. Она любила внимание и привыкла получать его разными способами, вряд ли отец заботился о проблемах дочери – его больше интересовал сын. Луиза резка, уверена в себе или делает вид, что это так, а за фасадом скрывается напуганный ребенок, который на половом органе вертел всю эту сложную, страшную жизнь. Девушка явно умела держать эмоции под контролем, даже в таком случае не растерялась, не заплакала, не запаниковала. Не первое похищение? Не первый труп?

Интересно, почему информацию о младшей дочери никто не нашел?

Что еще скрывала семья Перес? Как все это время им удавалось обходить расследования?

Луиза. Лу-и-за. Почему ее имя так знакомо? Что-то крутилось в памяти, постоянно уплывая, словно я пытался поймать рыбу за хвост голыми руками, а она все ускользала и ускользала. Казалось, ответ лежал на поверхности, а я все никак не мог его найти.

Пальцы отбивали ритм по подлокотнику, мысли сменяли друг друга, но ни одна не задерживалась надолго, оранжевый кончик сигареты мелькал в темноте, освещая на несколько секунд серьезное, задумчивое лицо.

Этой ночью я так и не смог уснуть, не поднимался даже из кресла и не выходил из кабинета. Утром меня на этом же месте нашел Хорхе, впихнул кружку с кофе и, обронив короткое «встречаемся через десять минут», направился за той, кто всю ночь мелькала в голове бесконечным ворохом вопросов.

Выглядела она ничуть не лучше, чем я: глубокие тени под глазами, помятая одежда, растрепанные волосы, потерянный взгляд. Девушка даже ни разу не кинула в мою сторону ни одной язвительности. Впрочем, я не особо настроен на разговоры по утрам.

Дорога до дома Перес тоже прошла в полной тишине. Луиза почти растеклась по сидению, я все еще крутил в голове разные теории и список вопросов, которые интересовали больше остальных.

Когда желто-красный дом оказался в зоне видимости, девушка заметно оживилась, лихорадочно стала поправлять волосы, расчесывая растрепанные кудри пальцами.

– Не могла бы ты сорить *своими* волосами в *своем* доме?

– Мог быть более гостеприимным.

– После тебя придется загонять машину в мойку.

– А после тебя придется выкинуть этот костюм, – огрызнулась Луиза в ответ.

– Просишь купить новый?

– Я бы предпочла смотреть на то, как ты его стираешь, – а затем, даже не дождавшись, пока Хорхе заглушит машину,

выпрыгнула из нее, быстрым шагом направившись к дому. Я вышел следом, догнав девушку уже около крыльца. Пальцы сомкнулись на локте, останавливая. Луиза дернула руку, пытаясь вырваться из хватки.

– Вроде бы я уже не твоя пленница, – не поворачиваясь, произнесла она.

– Все еще моя, – отозвался я, сильнее сжав локоть, – пока подпись твоего отца не появится на договоре, ты моя гарантия, и только попробуй что-нибудь выкинуть. Надеюсь, знание того, что дом окружен моими ребятами, остудит твой пыл, – девушка зло нахмурилась, собираясь что-то сказать, по моему лицу расплылась усмешка, не скрывающая превосходства. Это не гарантия безопасности, это гарантия, мать его, моей жизни. А жить я очень хотел.

– Луиза! – Перес дернулась, затем медленно развернулась, вынуждая выпустить руку. Я повторил ее движения, замечая заплаканную женщину, чье отчаяние ощущалось повсюду, заражало. Луиза дернулась от неожиданности, но всего через секунду сжала ладони в маленькие кулачки и вздернула подбородок.

– Анабель, – еле слышно прошептала Перес.

– Ты довольна?! Довольна тем, что живешь? Довольна тем, что он мертв? – выкрикнула она, шагнув к Луизе, которая, кажется, отрешилась от мира и наблюдала.

– Что я сделала, Анабель?

– Да как ты смеешь! – ярость, звучавшая в голосе женщи-

ны, была такой сильной, что на секунду показалось, что она ударит Луизу. – Ты спала с ним. Генри везде ходил за тобой! Как ты посмела отнять его у меня? Он умер из-за того, что ты была рядом! Ты убила его! Ты! И знаешь что, Луиза Перес? Будь проклята. Ты не заслужила того, чтобы жить, – яд все срывался и срывался с ее губ, женщина сорила проклятиями, а затем шагнула к Луизе, цепляясь тонкими пальцами в предплечья Перес мертвой хваткой. Луиза отшатнулась назад, сбрасывая ее руки со своих и при этом сохраняя каменное выражение лица, словно она вышла послушать.

– Живи дальше, Анабель. Его работа была опасной, и он знал обо всех рисках.

– Что я скажу ребенку? – она вмиг успокоилась, едва не свалившись на землю, но я успел ее поймать. Луиза дернулась, как от пощечины, будто только сейчас ее стальная защита пробилась словами Анабель, которые ударили под дых и отрезали воздух. Девушка подняла взгляд полный боли на Луизу, но та лишь сильнее выпрямила спину, смотря свысока. – Ты будешь гореть в аду, Луиза.

– Почему вы обвиняете ее? Разве она виновата в том, что он убит? Она просто была рядом.

– Спросите у нее сами, почему жизнь Генри была сложна – зло хмыкнула Анабель, отпуская мою руку и отходя в сторону.

– Виноват тот, кто убил.

– И кто же это?

– Я, – коротко отозвался я, складывая руки в карманы. Женщина удивленно хлопнула ресницами, растерявшись, но и в итоге ничего не сказала. – Он был взрослым человеком и осознавал все риски. Работа такая, – я пожал плечами, а затем, взяв Луизу за локоть, повел к дому. Перес послушно шла рядом, не вырываясь, не оборачиваясь. Лишь только около дома она выдернула руку, поправила жилет и стала подниматься по ступеням, оставляя меня позади.

– Спасибо, – прошептала девушка.

– Это не ради тебя.

– Мне плевать, – отозвалась она, продолжив подниматься. Дверь открылась, когда Луиза оказалась в нескольких сантиметрах от нее. Нас встретила пожилая женщина в длинной серой юбке и фартуке.

– Я рада, что вы вернулись, мисс, – поприветствовала она. – Хозяин уже ждет вас, – женщина впустила нас внутрь.

– Подожди в гостиной, – кинула Луиза мне, а затем повернулась к домоправительнице.

– Ваша квартира уже готова к переезду, – донеслось мне вслед. Интересно все обстояло. Не хотела жить с отцом? Сложные отношения – это видно, но чтобы настолько… признаться, не ожидал.

– Отлично, собери мои вещи на завтра. Водителя предупреждать не нужно, поеду на своей машине, – выдала Луиза, словно минуту назад ее не обвиняли в смерти и не пожелали сгореть в аду. Неужели она ничего не чувствовала? Неужели

ей не жаль?

В гостиную шагнул Фелипе, бросил взгляд в коридор, на дочь, затем вернул внимание ко мне.

– Она никого не убила?

– Нет, – усмехнулся я, отвечая на рукопожатие. – И ее тоже никто не тронул.

– Луиза, – позвал мужчина, указав мне на диван. Девушка мгновенно повернулась, отвлекаясь от общения с прислугой, – приведи себя в порядок, через десять минут в кабинете. – Проговорил он и, дождавшись, когда дочь кивнет, сел напротив меня. – Кофе?

Глава 8. Луиза (Лу)

Я спешно поднималась по лестнице. Звук каждого шага казался таким же сильным, как удар кирпичом по голове, как тиканье настенных часов, отсчитывающих время до важного события или похорон.

Шаг. *Ты виновата*.

Шаг. *Будь проклята.*

Шаг. *Довольна тем, что живешь?* Нет, нет, нет, не довольна. Почему Бог постоянно забирает жизни тех, кто меня окружает? Что, если я уже проклята? Что, если это мое наказание – жизнь и бесконечная череда потерь?

Еще шаг. *Ты не заслужила того, чтобы жить.*

А затем еще несколько десятков шагов, пока стук каблуков не заглушил ковер в комнате. Я закрыла дверь, прислонилась спиной к холодному белому дереву, медленно скатилась вниз. В глазах потемнело, покрывая сознание багровыми пятнами, возвращая воспоминания и ощущение грязных, стянутых от крови ладоней. Пальцы снова стирали кожу до красноты, пытаясь оттереть то, чего там уже давно не было.

Паника сдавливала горло, хватала за волосы, будто бы делала все то, что хотела сделать со мной жена Генри. Дыхание прерывалось, руки тряслись, а глаза лихорадочно бегали по комнате в поиске спасения.

Что я скажу ребенку?

Как я могла ответить на ее вопрос? Прости, твоего отца убили из-за того, что однажды он переспал не с той девушкой. Потому что она была рядом?

Зачем я вернулась? Зачем принесла с собой боль, сожаления и смерти? Зачем я приехала?

Я зажмурилась, делая глубокий вдох. Нет, я не дам ей обвинить меня в этом. Никто не сможет винить меня сильнее, чем я винила саму себя. Сейчас не время для эмоций. Не время поддаваться панике и жалеть себя. Отец и Тайфун ждут внизу.

Черт… отец и Тайфун. Что за смесь.

Ноги еле держали, слабость была такой сильной, что кровать казалась самым привлекательным местом на земле – сказывалась бессонная ночь и перебор с чувствами. Но вместо того, чтобы поддаться желанию уснуть, я стянула с себя грязный костюм, который теперь оставалось лишь выкинуть, потому что никакая стирка его просто-напросто не спасет. На душ времени не оставалось, поэтому я завязала волосы в высокий хвост, наспех замазала синяки под глазами, надела брюки и черный лонгслив.

Мне понадобилось еще пять минут, чтобы удержать эмоции под контролем. Я должна оставить все это позади, но раз за разом в память врезались слова Анабель. У Генри родится ребенок. Малыш, который никогда не увидит отца.

Черт.

Отражение зеркала показывало беспринципную, непоко-

лебимую и холодную девушку, а внутри все разрывалось. Я знала, что такое потерять родителя, будучи ребенком, но даже так я хотя бы видела маму, она мелькала в моей памяти обрывками воспоминаний. Анабель не бросят, даже помогут переехать, если понадобится, обеспечат всем, чем нужно, потому что так всегда поступал отец. Он никогда не бросал своих людей. Даже за связь со мной Генри остался жив, хотя тогда его хорошо отделал Матиас.

Но какие деньги могли вернуть еще нерожденному малышу отца?

Я встряхнула волосами, оставляя эти мысли. Анабель никогда меня не простит, а мне и не нужно ее прощение. Если она хотела винить меня, то пускай. Одним больше, одним меньше – особой разницы не играло.

Поэтому я вышла из комнаты, оставляя все беспокойства за закрытой дверью, на чистом белоснежном дереве туалетного столика, у зеркала. Там, где всем монстрам и место.

Всего лишь очередная встреча. Одна из многих. Я глубоко втянула воздух в легкие, а затем, привычно стуча каблуками по плитке, двинулась в сторону кабинета отца.

– Уже слышала, что отец собирается сотрудничать с Гонсалесом ради устранения семьи Санчес? – шепотом спросил Матиас, подхватывая меня под руку на последней ступеньке лестницы. Я заинтересованно повернулась к брату, – законным способом, Лу, – заговорщически добавил он, сворачивая в соседний коридор. А вот это уже чертовски интересно.

Тайфун, который, к слову, детектив, копает под семью Санчес, подбираясь ближе к нам. Странное совпадение, и это еще слабо сказано.

– Прямо вижу, как шестеренки задвигались в твоей голове, но молчи об этом при разговоре, Лу.

– Конечно, – усмехнулась я. Но только до момента, пока они не перейдут черту.

– Ничего ведь не «конечно», – устало вздохнул парень, пропуская меня в кабинет первой. Здесь, по обыкновению, пахло дорогим табаком, кофе и виски, окна в пол, наполовину закрытые французскими шторами, создавали легкий, таинственный полумрак, подкрепленный мрачными изумрудными стенами и мебелью из темно-коричневого дерева.

Отец сидел в кресле за столом, прямо за ним висел большой семейный портрет, на котором нашлось место даже для матери – его написали, когда она еще была жива, а Матиасу и Марии исполнился год. На этой картине мы выглядели вполне обычной, счастливой семьей. Наверное, кто-то видел нас такими.

Гонсалес расположился напротив с едкой усмешкой на губах. И, когда открылась дверь, мужчины синхронно повернулись в нашу сторону.

– Долго подбирала туфли к брюкам или помаду? – спросил отец, ехидно усмехнувшись. Тайфун мельком глянул на меня, и от его взгляда стало как-то неуютно, будто он считывал все, что я чувствовала, скрывала и о чем думала, словно

он гребанный детектор лжи. Я посмотрела в ответ, пытаясь понять, рассказал ли он отцу об инциденте с Анабель или нет. Но, раз они оба молчали, отец не выговаривал мне ничего, значит, Гонсалес оставил это при себе.

– Помогала Матиасу натянуть штаны, – огрызнулась я, опускаясь на подлокотник кресла, которое занял брат. Оказалось так, что я сидела между ним и Тайфуном.

– Как мило, – усмехнулся Гонсалес.

– Тебе тоже нужна помощь? – я глянула на него сверху-вниз, чинно сложив руки на коленях.

– Спасибо, пока справляюсь сам, – отозвался в ответ он, переведя взгляд на отца, – Начнем?

– Мне нравится твоя идея, – проговорил мужчина, – но не нравится та часть, где Луиза – моя дочь, а еще главный бухгалтер – твоя гарантия безопасности, потому что она моя гарантия. Луиза слишком много знает, а ты детектив, да еще и расследуешь дела Санчес.

– При всем уважении, я не могу быть уверен в том, что твои ребята не захотят меня убрать, как только мы подпишем бумаги.

– Для меня это не выгодно.

– Ты много лет подряд обходил расследования стороной, значит, связи есть. Плюс-минус детектив, никто не заметит.

– А семья?

– Здесь сложнее.

– Мне не нужна война.

– Удобно ведь моими руками убрать Санчеса, а потом и меня?

– Удобно, но то же самое можешь сделать и ты.

– Тогда придется убрать всех вас, а еще найти младшую. Слишком много трупов.

– Ты прав, – удовлетворенно отозвался отец, расслабленно откидываясь на спинку кресла. – Я предполагал, что так будет. Надеюсь, Луиза приглянулась тебе не как девушка, потому что даже в этом случае ты бы ничего не получил.

– Только как гарантия безопасности, – серьезно ответил Гонсалес. Это могло бы меня задеть, и задело, но не в том плане, в каком вы подумали.

– Вы знаете, что я сижу тут, да, а еще немного не вещь, чтобы кидать меня туда-сюда?

– Да, тебя трудно не заметить, – отмахнулся отец, сразу вернув внимание к Тайфуну. – Как я уже сказал, Луиза слишком много знает, я доверяю дочери, но не уверен, что она не проболтается, – ну, конечно, старый и классический девиз мира мафии «никому не доверяй, предать может каждый. За деньги, за любовь или из-за страха смерти». Я едва не фыркнула. Смешно. – А на этом этапе переговоров я не готов посвящать тебя во все детали. – Гонсалес согласно кивнул, – но понимаю твое желание безопасности, и гарантия у тебя будет, – сначала тонна вопросов завалила с головой, а потом понимание, словно пуля, прострелило голову. Только не это.

– Мария, – произнесли мы одновременно с отцом. Я метнула на него взгляд, пытаясь понять, что еще мог придумать его изощренный ум? – Она достаточно отдалена от дел, но при этом, как ты понимаешь, все равно моя дочь. Матиас – наследник, так что им поделиться тоже не могу.

– Но так нельзя, отец! – воскликнула я, подскочив на ноги и с трудом подавив возникшее головокружение.

–Сядь, – строго заметил мужчина, вернув меня на место одним словом. Именно так проявлялась его жестокость: в небрежном жесте рукой, в голосе, что придавливал, словно бетонная плита, во взгляде, остром, как нож. – Это мое решение, оно останется неизменным. Или ты решила спасти сестру? Хочешь на ее место?

– Нельзя продавать своих детей.

– В мире много чего нельзя, – хмыкнул он, – Мария будет с тобой на правах невесты, – отец широко улыбнулся. В этот же момент, словно поджидая, в кабинет вплыла сестра, как всегда мягкой, плавной походкой, со скромным взглядом, устремленным в пол, с заплетенными в косу светлыми волосами и праведным видом. Святоша как она есть.

– На такое мы не договаривались.

– Одно из условий. Это привлечет к твоей фигуре внимание, а, значит, Мария будет в относительной безопасности, – невозмутимо проговорил отец, будто вынашивал этот план уже давно.

– И ты с этим согласна?! – я повернулась к Марии, кото-

рую увидела первый раз после приезда.

– Что я теряю? – усмехнулась девушка, останавливаясь за спиной отца.

– Только мне кажется странным, что он появляется здесь, сближается с нами, а теперь еще и играет роль благоверного младшей Перес? Вы сошли с ума, не иначе! Он нас всех погубит! И я не хочу в этом участвовать.

– Тебя никто не спрашивал, ты по праву рождения в этом участвуешь.

– Не будем оспаривать решение отца, Лу, – мягко проговорила Мария, устремив на меня лже-теплый взгляд. Я знала, что за всей этой кротостью, напускной святостью, стояло на самом деле огромное желание выгоды, чистый эгоизм. И в какой-то степени я даже завидовала сестре из-за того, что у нее был выбор. Но, по-прежнему, не осуждала. Хотя, может, стоило.

– Вы безумцы, – не сдержалась я, а затем вылетела из кабинета, оставляя после себя гремучую тишину и полный благоговения взгляд Гонсалеса на Марию, будто она действительно воплощение святости.

– И навести жену Генри! – донеслось мне вслед, заставляя споткнуться, едва не ткнувшись носом в пол.

Глава 9. Аарон

Я еле держал себя в руках, чтобы не пялиться. Передо мной, словно призрак, стояла послушница из церкви. В голове еле укладывалось понимание, что за воплощением святости, за которым я долгое время наблюдал, скрывалась младшая дочь Фелипе.

Это выходило за рамки моего сознания.

Даже учитывая все то, что я видел, все, что делал, Мария, стоящая прямо перед глазами, казалась нереальной. Как и то, что она, черт возьми, будет моей невестой. Пусть и фиктивной, пусть и гарантией безопасности, но все же невестой.

– Оставьте нас, – небрежно бросил Фелипе, возвращая меня в реальность. Это либо очень хорошо спланированная акция, чтобы крепко связать меня, либо простая случайность, выбивающая почву из-под ног. Точно ли Мария просто так находилась в церкви? И почему Фелипе не согласился на Луизу? При всем происходящем, мне не хотелось, чтобы столь чистая душа пятналась тем, что спуталась со мной. Хотя удивительно, что при такой семье она осталась подобна ангелу. И совсем не удивительно, что с Луизой они не ладили.

Матиас и Мария сразу вышли, оставляя нас наедине.

– Надеюсь, мои условия тебя удовлетворили? – Фелипе вопросительно изогнул бровь, сложив руки перед собой. Я кивнул, все еще пытаясь найти хоть одно слово в себе. – Не

обращай внимания на Луизу, у нее буйный нрав. Мария совсем не такая.

– Меня радует, что мы смогли договориться.

– Нужно провести небольшой прием по этому поводу, – проговорил мужчина, – но сначала все подпишем. Луиза, как успокоится, заедет к тебе, привезет то, что тебе нужно знать, заодно подпишите бухгалтерские бумаги. Луиза будет вести счета клуба и казино. И на прием придется звать семью Санчес.

– Решим все по ходу дела, – я поднялся с кожаного кресла, забирая из рук Фелипе папку с документами, глянул содержимое текста и поставил подпись, а затем пожал мужчине руку. Кто-то из нас двоих точно продал душу.

– Останешься на обед?

– Меня ждут в участке.

– Надеюсь, наше сотрудничество останется взаимовыгодным на долгое время, – снисходительно заметил Перес, открывая дверь кабинета. Я усмехнулся и одобрительно кивнул, тоже на это надеясь. – Домоправительница тебя проводит, – буквально через несколько секунд появилась та же женщина, что открыла нам с Луизой дверь.

– До встречи, – мы еще раз пожали руки, а затем я двинулся в сторону выхода, воспроизводя в памяти разговор, детали кабинета и дома. Он казался слишком уютным для компании, которая собралась под этой крышей. Хотя, судя по тому, что я слышал, Луиза собиралась переезжать.

Женщина провела меня до двери, любезно открыла ее, чтобы затем с тихим щелчком закрыть за моей спиной. Я остановился на крыльце, рассматривая открывающийся вид на раскиданные внизу дома, море, уходящее далеко за горизонт и зеленый газон, резко обрывающийся в конце участка. Дом семьи Перес стоял в замечательном месте. Я огляделся, замечая черную машину в отдалении. Рядом с ней сидела еле заметная женская фигура, в которой легко угадывалась Луиза.

Любопытство так и рвалось посмотреть, чем занята столь важная особа. Мыла машину сама? Бред. Всегда можно попросить водителя заняться этим. У ее семьи вряд ли была потребность марать руки в бытовых вопросах.

Я остановился в отдалении, наблюдая за тем, как Луиза, действительно мыла светлый салон. Вот только это оказалась не ее машина – лобовое стекло пробито, бежевое кожаное сидение в крови, как и боковое стекло, и Луиза сидела рядом с ведром, в перчатках по локоть, смотрела внутрь машины невидящим взглядом. В руках зажата тряпка окрашенная в бордовый, пальцы левой руки с силой терли тыльную сторону правой, будто она пыталась смыть с себя грязь.

– Луиза? – тихо позвал я, девушка вздрогнула, мгновенно замечая меня. Пустой взгляд тут же приобрел нотки эмоций, и вперед всех вырвалось раздражение.

– Чего тебе? – она тут же поднялась, с отвращением отодвинув от себя окровавленную ткань. Боялась крови? Про-

сто брезгливая? Зачем тогда взялась отмывать машину? Не проще отправить в утиль?

– Мы почти брат и сестра, решил подойти, попрощаться, – лже-любезно оправдался я. Луиза хмыкнула, стягивая перчатки и откидывая их в сторону. Ловкие пальцы скользнули к черной рубашке, в которую она успела переодеться, расстегнули верхние пуговицы, оголяя декольте.

– Знаешь, Тайфун, – вкрадчиво проговорила девушка, прошлась ладонью по шее, затем спустилась вниз, очертив аккуратную грудь, – у меня совсем не сестринские чувства к тебе. – Луиза закусила губу, как бы проверяя реакцию. А я стоял, как чертов придурок, сунув руки в карманы, и пытался понять, чего она от меня хотела.

– И какие же?

– Ну, знаешь, Матиас меня иногда бесит, но я не хочу вбить ему каблук в голову, – усмехнулась Луиза.

– Тебя так задела смерть бывшего любовника?

– Не смей!

– Не бывшего?

– Он женат! – возмутилась она, неосознанно шагнув вперед. – Больше никогда не смей говорить о нем, иначе я задушу тебя голыми руками, выгрызу артерию, как самый настоящий вампир, – прошипела девушка, все это время вглядываясь в мои глаза и почему-то заставляя поверить в то, что это совсем не шутка.

– Удачи, Лу, – кивнул я, получив всю нужную информа-

цию, – лучше сдай машину в чистку или попроси выбросить. – Луиза фыркнула, развернулась, как бы показывая, что разговор окончен.

– И не смей называть меня Лу, – добавила она и шагнула вперед.

***

Щелканье клавиатуры, шорох листьев, постукивание пальцев по поверхности стола, дым от сигарет, улетающий куда-то вверх, терпкий запах кофе, заполняющий кабинет и несколько потерянных часов, которые я провел в маленьком кабинете полицейского участка за чтением дела семьи Санчес. Дела, которого официально не существовало.

Семья Санчес появилась в городе пятнадцать лет назад. Карлос Санчес – глава семьи, и его жена Джулия переехали сюда с севера страны, привезя с собой трех детей. У Карлоса было все, о чем мог мечтать глава столь быстро разросшегося клана: три сына, занимающие лидирующие, после отца, позиции, красавица жена, огромный дом и связи по всему миру.

Лукас – старший сын, двадцати трех лет, все время находился у отца под боком. Адам в свои двадцать занимался охраной и руководил особыми заданиями, если вы понимаете, о чем я. Младший – Томас еще учился, что не помешало ему несколько раз попасться на деле о наркотиках.

Впрочем, ни на кого из семьи Санчес дела так и не завели.

Все спускалось с рук: взятки, знакомства и подставные виновные. Гонсалес и Перес тоже использовали такие инструменты, поэтому я не стал бы лезть в их семью, если бы не небольшой нюанс. Небольшим он был с их стороны. С моей же это приравнивалось к концу света и смерти моей души.

Пятнадцать лет назад вечером одна женщина возвращалась из церкви домой. Путь был долгий, накрапывал мелкий дождь, смывая легкие следы усталости от целого дня, проведенного на улице, но она любила ходить пешком. Считала, что в такие моменты лучше всего думается. Ей нравилось анализировать, закапываться вглубь вопроса, размышлять о мироздании и, хоть женщина и была верующей, она часто думала о том, как складывалась судьба и жизнь, на что способны люди и почему так сложно устроен космос, если во вселенной из разумных существ есть только люди.

Она всегда улыбалась, ее руки были теплыми, а на каждый вопрос находился ответ. Слово «невозможно» для нее не имело значения, а если что-то не получалось или, наоборот, получалось легко, то это всегда оправдывалось волей Божией. Она, словно лучик света во тьме, всегда была готова помочь, объяснить и быть рядом молчаливым слушателем, потому что вся ее жизнь крутилась вокруг людей. Она жила для них, любила их и бесконечно верила в чистоту человеческих чувств, душ и милосердие Бога. Эти люди ее и убили. Она до последнего в них верила, даже пока медленно истекала кровью, пока все медленно проходили мимо, не обращая

внимания на хрипы. Ее душа оказалась слишком светлой для этого мира. Может, поэтому ушла всего в тридцать пять.

Пятнадцать лет назад по дороге домой с одной из благотворительных церковных акций мою мать убили выстрелом в грудь с близкого расстояния. Пятнадцать лет назад я так и не дождался ее возвращения, не услышал привычное «спокойной ночи» перед сном и не увидел, как она встает на колени перед зажженной свечей в молитве. Пятнадцать лет назад десятилетний мальчик остался без матери, как и многие дети, чьи родители принадлежали криминальному миру. Пятнадцать лет назад я возненавидел этот мир, пообещав избавить город от заразы и собственными руками покарать убийцу, пусть даже и буду гореть за это в аду.

Я снова закурил, вспоминая, как на следующий день в гости заглянул детектив. Правда, ничего нового он не сказал. Отец к тому времени уже обо всем знал, а мне было нетрудно догадаться, по какой причине мама не вернулась домой, если до этого всегда приходила вовремя.

Пятнадцать лет назад мою мать убили. Всего через несколько недель после того, как семья Санчес обосновалась в городе и стала наводить свои порядки. Их вина была очевидной, как и мотив – выбить моего отца из игры на какое-то время. Наши ребята даже смогли доказать вину Карлоса, вот только отомстить мы не могли. Семья Санчес принадлежала Фелипе Пересу, чья власть тогда распространялась на весь город, включая мэрию, полицию и прочие структуры. Нам

бы объявили войну, никто бы не выжил. Отец не мог так рисковать даже ради той, кто молилась о его спасении по ночам, плакала около моей постели, но бесконечно любила нас обоих всем своим чистым и добрым сердцем.

Я опустил взгляд на папку с так и нераскрытым делом. Фото места убийства, фото жертвы – не знаю, правильно ли это, но на этих карточках действительно была жертва, я не хотел признавать в ней свою мать, это просто еще одно дело, которое нужно завершить. Даже если на самом деле оно разрывало душу, а невидимый нож с каждым разом все сильнее врезался в сердце.

Убийство никто не расследовал, его списали на случайность при войнах разных банд. В целом, это почти правда. Но мне нужны подробности, нужна месть, и объединение с семьей Гонсалес это идеальная возможность, потому что Санчес уже давно перешел черту. Я знал только то, что Фелипе терял много тысяч на закупках и перевозке товара из-за набегов подручных Карлоса. Я же не терял ничего, потому что из нелегального у нас, после ухода отца, остались только партнеры и клуб. Изрядно потрепанный после Фелипе клуб.

Меня не особо радовала его готовность отдать Марию замуж за такого человека, как я, и, если честно, я не торопился жениться, слишком многие вопросы для начала нужно решить. Я не хотел, чтобы мою будущую семью настигла такая же участь, какая пришлась на семью маленького Аарона.

Кофе уже давно остыл, сигарета истлела в пальцах, а ни-

котин так и не достиг легких. Зато то, что называли душой, оказалось вывернуто наизнанку, может, это значило, что она все же у меня была?

Взгляд скользнул к досье Санчес, рассматривая приводы и краткую характеристику каждого. Для меня всегда было удивительно то, как они быстро выбились, заняв положение едва ли не выше Фелипе. Еще удивительнее то, как он это допустил. А вот это хороший вопрос.

Я открыл нижний ящик стола, спешно перебрал папки с досье на семью Перес, выуживая нужную.

Фелипе Перес, пятьдесят пять лет, не женат, имеет трех детей. Общеизвестная информация, о которой знает даже самый не приближенный к делам человек. Странно, что в биографии и описании ни слова про жену и мать его детей. Конечно, занимательно, но три ребенка не могли свалиться с космоса.

Я постучал пальцами по столу, задумываясь. Вариантов проигрывалось не так уж и много. В их числе оказался и тот, в котором эта деталь не имела никакого смысла. Но что-то внутри меня кричало о том, что это важно.

– Дэни, – позвал я, даже не ожидая, что подсознание сработает раньше, чем я пойму свои действия. Напарник показался в дверях кабинета, не дав возможности отступить.

– Звал? – в одной руке у него, словно приклеенная, находилась кружка с кофе, с которой он никогда не расставался. Иногда я думал, что, грешным делом, напарник подливал

туда виски.

– Что ты знаешь о семье Перес?

– Под них копаешь?! Сдурел? – выкрикнул он, импульсивно шагнув внутрь и закрыв за собой дверь.

– Не под них, – ответил я, закрывая папки с делами по очереди и складывая их в аккуратную стопку. Напарнику не обязательно быть в курсе всех моих расследований. – Мне всего лишь нужно знать, почему о матери его детей нигде нет информации. Это странно, не находишь?

– Однажды я точно найду тебя с пулей во лбу или что похуже, – проворчал мужчина, опускаясь на стул напротив, – ее уже пятнадцать лет как нет.

– Сбежала?

– Убили, – напряженным шепотом отозвался он, – не лезь в эти дела, Аарон, они намного грязнее, чем ты думаешь.

– Где ее дело?

– Ты совсем глупый?

– Дэни, – устало проговорил я, скрываясь под столом, чтобы сложить дела обратно в ящик.

– Ладно-ладно, так и не раскрыли. Перес тогда едва ли не перевернул весь город, чтобы их найти, но так и не смог. Подозревал семью Санчес, твоего отца, полицию, – выкладывал напарник, нервно потягивая кофе и оглядываясь по сторонам, будто нас могли подслушать. Я же едва не ударился о столешницу затылком. Что-то в его словах не давало покоя.

– Когда, ты сказал, это было?

– Лет пятнадцать назад, – пятнадцать лет назад. Но, может, совпадение?

– А как убили?

– Уже и не помню точно, – он почесал лоб, пытаясь разбередить память, – тогда убийств много проходило, так что вряд ли вспомню. У него тоже не спрашивай, если не хочешь повторения перестрелки в клубе, – предупредил мужчина. Я лишь кивнул, зная, что именно это и сделаю. Потому что уверенность, что жену Фелипе Перес убили в тот же год, что и жену Гонсалеса, не совпадение, только росла. Если, конечно, это не спланированная акция двух семей.

Глава 10. Луиза (Лу)

Как же долго я ждала этого момента. Теперь, когда объявилась и Мария, дом стал еще невыносимее. Конечно, удобно пользоваться услугами работников, доступными двадцать четыре часа в сутки, удобно, что завтрак, обед и ужин по расписанию всегда на столе, но сталкиваться в коридорах с отцом, Марией или даже Матиасом мне не особо нравилось, потому что первые два обязательно бросали на меня странный, осуждающий взгляд, будто я предала всю семью разом, а Матиас сгребал в охапку и требовал внимания, приправленного виски.

Мне хотелось хотя бы иногда слышать только тишину, не выглядывать из-за двери комнаты, чтобы осмотреть коридор на наличие тех, с кем не хотелось встречаться. Меня не особо волновали их взгляды, как бы ни было, они моя семья, но жизнь в Канаде научила самостоятельности и привила любовь к одиночеству.

Я застегнула молнию на чемодане, присев на крышку сверху, чтобы она сошлась. Не знала, что у меня настолько много вещей. Впрочем, большую часть гардероба занимали туфли. И костюмы.

Квартира была готова еще вчера, но почему-то было сложно прощаться с любимой комнатой, домом, в котором я провела почти всю свою жизнь. Конечно, это всего лишь другой

конец города, но, казалось, что я оставляю что-то важное и призрачное здесь. Такие же чувства одолевали и при отъезде в Канаду. Возможно, это просто вернувшиеся в жизнь и сны кошмары. И если так, то я бы хотела оставить их здесь.

Отражение в зеркале теперь показывало более удачное изображение: теней под глазами не наблюдалось, кожа привычно бронзовая с розоватым оттенком, губы, накрашенные нюдовым блеском, не казались излишне сухими и потрескавшимися. Можно сказать, идеальная картинка идеальной меня. Хотелось бы вернуть эту идеальность и во внутреннее состояние.

Мог ли человек, рожденный и воспитанный в клане, стать идеальным внутри? Хотя бы достичь гармонии? Вряд ли. Даже Тайфун, чья роль, казалось бы, уже давно определена, не нашел этого баланса. Да и мог бы? Не знаю, кто ответил бы на этот вопрос. Впрочем, Гонсалес меня не особо волновал. Со своими бы ролями разобраться.

Я взяла чемодан за ручку, покатила его к двери. В коридоре маленькие колесики издавали монотонное дребезжание, не давая погружаться в собственные мысли. Хотя вряд ли бы там нашлось что-то умное.

– Луиза, – прогремел голос, который меньше всего хотелось сейчас слышать. Я остановилась, зажмурившись на пару секунд, прежде чем развернуться.

– Да? – отец стоял внизу лестницы, наблюдая за моими действиями. Так и хотелось просто скинуть чемодан вниз по

ступенькам, но вместо этого я принялась медленно спускаться вниз.

– Я бы не хотел, чтобы ты уезжала.

– Я бы хотела, – отозвалась я, ставя чемодан на плитку с последней ступени. Тяжелый взгляд отца прошелся по мне, от чего захотелось поежиться, но я лишь сильнее выпрямила спину и смотрела в ответ. Мужчина шагнул вперед, до боли сжав мой локоть.

– Ты совсем ничего не понимаешь, да? – прошипел он, – ты хоть представляешь, какие процессы сейчас запустятся?

– Это ты не понимаешь! – воскликнула я, вырывая руку из его хватки. – Ты запустил эти самые процессы! Ты пустил детектива в семью! Ты подпустил его к Марии, а она нас всех уничтожит. Своей верой и желанием чистой души! Мы все погибнем, отец, и я хочу быть как можно дальше от этого, чтобы взрывная волна не задела и меня.

– Не говори такого о сестре!

– А то что? – усмешка сама по себе возникла на губах, хотя внутри все разрывалось от желания кричать. – Мне все равно, кто и где окажется, но она будет стоять на наших могилах и молиться.

– Я помолюсь и за тебя, сестра, – раздалось откуда-то сверху. Этого я и ожидала.

– Adios amigos, – рассмеялась я, направившись к двери. – Мне не нужны твои молитвы, – что еще мог дать мне этот дом и те, кто в нем живет? Если бы я знала, то осталась

бы там, в комнате с видом на закат, но вместо этого села в красный кабриолет, включила музыку погромче, рассчитывая, что она заглушит мысли.

Ну и семейка. В какой-то степени я понимала, почему Мария так сильно хотела оказаться подальше от нас, от криминала. Все-таки эта жизнь – постоянный риск, которого сестра всегда избегала. Но, если бы она допустила мысль о том, что такая жизнь бывает, что это наша жизнь, может быть, в доме на холме стало бы проще уживаться. Удивительно, что за тот же образ жизни Мария не осуждала Матиаса. Из-за страха или из-за того, что они близнецы.

Интересно, почему она согласилась на брак с Гонсалесом? Неужели жизнь рядом с ним показалась более спокойной? Может быть, она знала, кто он такой еще тогда, в церкви?

Хотелось остановить машину, внутренние монологи, которые разрывали голову. Ни одна мысль не заглушалась музыкой. Я, как и прежде, боялась, что рано или поздно буду стоять на могилах моей семьи, а с появлением Гонсалеса в нашей жизни все только усложнилось. Увы, в этой ситуации у меня не осталось власти. Да и была ли она когда-то? Я не знала ответа на этот вопрос. И так и не нашла его, когда припарковалась во дворе многоэтажного здания, а затем поднялась в квартиру.

Коридор в серых тонах встретил легким полумраком, который рассеивали закатные лучи солнца, играющие на стенах и мебели. Гостиная же освещалась полностью из-за окна

во всю стену.

Эта квартира досталась мне несколько лет назад «за трудолюбие и заслуги в бизнесе». Смешно, учитывая, что это я проводила покупку недвижимости через налоговую и черную бухгалтерию в компании отца, так, чтобы ни у кого не возникло лишних вопросов. И их не появилось, что только подтверждало мой уровень профессионализма и нужность в таких скрупулезных делах. Так я могла знать обо всем и контролировать ситуацию даже издалека. Хотя сейчас думала, что в Канаде легко могла сбежать, и никто, никогда не нашел бы меня. Но почему-то я так и не решилась на подделку документов и пропажу без вести. А ведь ее могли списать на месть или что-то еще.

Я вкатила чемодан внутрь квартиры, оставив его в гостиной около дивана. Наверное, нужно разобрать вещи, но сил на это почему-то не находилось. Нашлось только на то, чтобы опуститься на пол, чувствуя, как усталость от всего давно привычного раскатывалась по телу, не оставляя даже возможности нормально дышать. Когда-нибудь я смогу нормально жить? Когда-нибудь перестану оглядываться на незаконность своих действий и страх перед расплатой? Меня не пугал ад, как он страшил Гонсалеса или Марию, наверное, они были идеальной парой в своей вере, меня больше пугала реальная жизнь. Боль я чувствовала сейчас, а не в призрачной следующей жизни. И, скорее всего, только за одни эти слова меня отправят в самый жаркий котел, будут тыкать ви-

лами и пытать, но это все могло произойти и в реальности. Я не застрахована от войн семей, как не была застрахована и мама, как никто из нас не застрахован.

Звонок в дверь заставил вздрогнуть от неожиданности, а затем глухо застонать. Слишком сильно хотелось остаться сидеть на полу, смотреть в одну точку и думать обо всем сразу. Я знала, что ни одна из этих мыслей не вспомнится поутру и даже к вечеру, они все сотрутся под навалившимися заботами и другими делами. Но я все равно поднялась, нетвердой походкой направилась в коридор, предусмотрительно посмотрев в экран электронного домофона. На пороге оказался брат, нетерпеливо притопывая ногой и оглядываясь по сторонам.

Я спешно открыла, впуская Матиаса, на котором почему-то красовалась черная кожаная куртка в тридцатиградусную жару.

– Не замерз? – хмыкнула я, отходя в сторону и складывая руки на груди. Брат рассмеялся, закрыв за собой дверь.

– Водитель отца любит могильный холод в машине, – пожал плечами он, по-свойски прошел в гостиную и растянулся на диване, закинув ноги на стеклянный журнальный столик.

– Ноги со стола! – прикрикнула я. Внимание привлек небольшой пакет, который Матиас бросил в коридоре. Подозрение закралось внутрь, присаживаясь там поудобнее. Я глянула на брата, которого, кажется, противоположная стена с выключенным телевизором занимала больше, чем все

остальное. – Зачем пришел?

– Твоя гостеприимность поражает, Лу, – улыбнулся он, но улыбка быстро сменилась серьезностью. – Отец просил заехать, напомнить, что тебе лучше бы поскорее добраться до жены Генри с поддержкой, пока это не сделал кто-то другой, – я отвернулась, смачно ругнувшись про себя. Неужели он так наказывал меня? Видел сцену с Анабель во дворе? Услышал от Гонсалеса? Все еще хуже, чем могло бы быть.

– Кто, например? – я притопнула ногой, метнулась к комоду справа от дивана и принялась наливать в два бокала янтарную жидкость. Этот разговор на трезвую голову я не вынесу.

– Гонсалес, Санчес, да кто угодно. Всем выгодно нас убрать, а Генри мог делиться с женой многими сведениями, маршрутами.

– Не делился.

– Ты так в нем уверена даже после всего, что было?

– А что было? – я повернулась к брату, едко вскинув бровь. – Ты избил его, отец женил на первой попавшейся кухарке, все. Он не делился даже со мной.

– Жена это другое, – заметил Матиас, потянувшись к бокалу, – тем более она ждет ребенка.

– Если ты пришел посетовать на судьбу, то проваливай! – ком подбирался к горлу, словно еще немного и я выплюну душу вместе с огромным пластом вины и сожаления. Глаза пощипывало от накатывающих слез, бокал в ладонях едва

заметно подрагивал. Матиас взглянул на меня, но тут же замолчал.

– Это только послание отца, он хочет, чтобы ты, как можно быстрее, ее навестила, – прошептал брат, легко сжав мою ладонь, – а я хотел сказать, чтобы ты не обижалась на Марию. Ты ведь знаешь ее.

– Мне все равно на ее слова и поступки.

– Это делает мне больно, – еще тише заметил он, – ваши ссоры и размолвки. Я не хочу выбирать между. Вы ведь обе моя семья, я бы никогда не смог выбрать. Ты была рядом всегда, учила кадрить девчонок и угрожала кастрацией, если хоть одна из них принесет ребенка от меня до совершеннолетия, а потом добавляла, что если такое случится, то все равно поможешь, у тебя всегда были важные и мудрые слова. А она… она почти одно целое со мной, Лу, – Матиас отвернулся, будто сами эти слова вызывали у него отторжение и непринятие. Я потянулась к брату, обнимая его, чувствуя, как одна слеза все же скатилась по щеке.

– Я никогда не заставлю тебя выбирать.

– Спасибо, Лу, – отозвался хриплый голос, а теплые руки обхватили в ответ. И, наверное, это единственный по-настоящему нормальный вечер в кругу семьи.

Глава 11. Аарон

В пальцах тлела сигарета, вокруг сновали рабочие, доделывая наспех проведенный в клубе ремонт.

Я наблюдал за тем, как друг совершал преступление против кулинарии всего мира. Хорхе уплетал жирный стейк, сидя напротив и запивая все это горячим черным кофе, что вызывало у меня странное чувство отвращения от несовместимости этих продуктов и способа их употребления. И почему именно он оказался моей правой рукой? Потому что мы вместе выросли? Потому что с самого детства везде были вместе? Или потому что это единственный человек, которому я доверял?

– Так ты уже решил, что со всем этим будешь делать? – прожевывая большой кусок мяса, спросил Хорхе.

– Тебя где воспитывали вообще?

– Рядом с тобой в пеленках, придурок, – отозвался он, утерев салфеткой губы.

– И я удивлен, что мы оказались настолько разными, – хмыкнул я. Хорхе появился на пороге нашего дома, когда ему стукнуло всего два года, а мне четыре. Его бабушка, находилась едва ли не на грани смерти, похоронила всех детей, а затем принесла маленького Хорхе к той, кто мог помочь – к моей матери. И с тех пор мы росли бок о бок, как братья.

– С «этим» это с чем?

– А ты не понимаешь, да, в какой ты заднице? Перес, Санчес, расследование, свадьба?

– Ты ведь знаешь, что стоит на первом месте. И знаешь, что все остальное лишь способ достижения цели.

– Ты безумец.

– Безумцы те, кто встанут у меня на пути, – усмехнулся я, зная, что именно *это* Бог никогда мне не простит, но, быть может, мои деяния зачтутся за праведный гнев?

Я затянулся, выпуская в потолок струйку серого дыма. Да, я слишком давно не посещал церковь. Общество семьи Перес и, в особенности, Луизы вряд ли помогало держаться принципов и привычного уклада жизни.

– Так и зачем ты заявился сюда? В участке работа кончилась? – перевел тему друг, щедро отпивая из большой кружки.

– Чтобы на тебя посмотреть, – огрызнулся я, затушив сигарету в пепельнице. Хорхе рассмеялся, обнажив белые зубы.

– Я рад, что ты вернулся, – отозвался парень, я тихо хмыкнул в ответ, зная, что это не сарказм. Меня долго не было в этом городе и, когда уже привычная жизнь стала казаться дурным сном из прошлого, отец решил уйти на пенсию, если это можно так назвать.

– Поехали, – я спешно поднялся, оглядывая то, что уже успели привести в порядок: потолочные светильники и прожекторы заменили, купили новые столы и диваны, и теперь

они, как раньше, стояли друг за другом ровной линией, а разбитые зеркала больше не висели на стенах – говорят, что это плохая примета, несущая за собой несчастья и прочую ересь, в которую я не особо верил. На все воля Всевышнего. Даже на страдания и боль.

Хорхе мгновенно поднялся следом, кивнул рабочим и направился за мной на улицу.

– Куда?

– В церковь, потом к Перес, – в зеркале заднего вида мелькнул понимающий взгляд, затем машина двинулась вперед. А спустя десять минут я уже стоял на залитой солнцем площадке, рассматривая привычный пейзаж: голубое чистое море внизу, зеленые холмы, заставленные будто бы игрушечными домиками, и витиеватые дороги, поднимающиеся по склону. Интересно, если церковь находилась на горе, то человек становился ближе к Богу?

Я оставил курящего Хорхе позади, зашел в небольшую часовню. Когда-то по этим же выровненным дорожкам ходила моя мать, также молилась, сидя на скамейке в углу, также размышляла о жизни и собственном пути, а теперь все это делал я. Правда, с меньшей верой в сердце. Никто не мог любить и верить так, как она.

Тень и легкая дымка скрыли меня почти полностью, когда я опустился на самый край деревянной лавки. В это время церковь пустовала, оставляя необходимое мне уединение. Запах ладана проникал в легкие, почему-то снова не душа,

не принося облегчения, а просто витая вокруг и будто бы аккуратно дотрагиваясь до лица.

Существовало ли где-то для меня спасение? Мог ли я его заслужить? И если мог, то как? Может быть, в появлении Марии в моей жизни был скрытый смысл? Что, если так задумано свыше? Стоило ли доверять происходящим событиям или нужно взять все в свои руки?

Я опустил голову на сцепленные руки, чувствуя, как внутри все разрывалось от противоречий. Почему? Почему я находился сразу на трех сторонах? Когда нужно сделать выбор и отказаться от одной из них? Мог ли я оставить Бога? Мог ли я оставить честь? И мог ли я оставить наследие, пусть и черное, грязное и безбожное? Я знал, что до этого выбора я еще не дожил, но он ждал где-то в скором будущем. Нельзя плыть на двух лодках сразу – перевернешься, а что говорить, если их сразу три?

– Прости меня, Господи. Даруй мне истинный путь для спасения души, – прошептал я, а затем перекрестился и покинул часовню. Что, если спасение мне не нужно?

Я, по обыкновению, оглянулся на клумбы, засаженные разноцветными растениями, за которыми ухаживали заботливые руки послушниц. И даже в нашем уголке под палящим, жарким и жестоким солнцем появлялась красота, созданная лишь заботой. Интересно.

– Вы тоже тут? – тихий голос возник сбоку, заставив нервно сглотнуть и едва не вздрогнуть. Я повернулся, натягивая

на лицо легкую полуулыбку. Передо мной, склонив голову, стояла Мария в привычном длинном одеянии и с платком на голове. Признаться честно, такой ее вид был более привычен, чем летнее платье, в котором она появилась в кабинете отца.

– Уже ухожу, – отозвался я вместо приветствия. Девушка густо покраснела, отводя глаза в сторону. Мария очень сильно отличалась от своей сестры: она была ниже ростом, с пухлыми розоватыми щеками, светлыми волосами и яркими зелеными глазами, глядящими так невинно, что мне вмиг захотелось удавиться, потому что в памяти всплыл весь список моих грехов.

– Моя помощь здесь на сегодня тоже окончена, – улыбнулась она, вводя меня в ступор. Невеста. У меня есть невеста? Еще несколько дней назад я сидел здесь, и не знал, что делать. Никаких невест не было, свадеб, партнеров. Как все так быстро изменилось?

– Тогда нам по пути.

– Спасибо, – я легко подтолкнул ее в нужную сторону, ощущая себя так нелепо и неловко, что был готов провалиться сквозь землю. Мария, кажется, не чувствовала себя както неправильно, она послушно шла впереди, изредка замедляясь и кидая взгляд назад, в мою сторону, будто я, действительно, мог раствориться в воздухе. И если это знак свыше – наша встреча – то я этого намека не понимал.

Хорхе очень удивился, увидев меня в ее компании, но все-

таки промолчал. Хотя он сто процентов выскажется по этому поводу потом. Я открыл для девушки дверь, Мария благодарно кивнула, аккуратно усаживаясь на кожаное сидение. Я обошел машину, оказываясь на привычном месте.

Эта ситуация все еще не укладывалась в моем понимании. И, казалось бы, сейчас совсем другие дела требовали моего внимания, а я делал то, что вроде бы имело смысл, заключал сделки, подвозил Марию домой. Но почему-то душа сопротивлялась этому. Возможно, нам нужно узнать друг друга получше? И без внимательного взгляда Хорхе в зеркале.

– Ты часто сюда приходишь? – спросил я, пытаясь задавить неловкую тишину.

– Каждый день, – мягко улыбнулась она, – тут спокойно и тихо.

– Можно вопрос?

– Да.

– Вы не ладите с сестрой?

– Мы слишком разные, – легко отозвалась Мария, – Луиза никогда не считается с мнением других, не умеет сострадать и переживать, не оглядывается на веру и еще много чего, что я не могу принять. И она во мне тоже многое не принимает. Так бывает, – пожала плечами девушка, отворачиваясь к окну. Я задумался над ее ответом, помечая некоторые моменты красным крестиком в голове. В отражении зеркала мелькнул ехидный взгляд Хорхе, будто он ей не верил и восторга эта компания ему не приносила. Я же не мог подумать,

что столь светлое создание могло обманывать, тем более, что Луизу Перес она описала достаточно точно. Но девушка все же ушла от темы, не назвав истинную причину. Настаивать я не стал, рано или поздно секреты семьи Перес станут и моими секретами, а уж каким способом не особо важно.

Наконец, Хорхе остановил машину около дома на холме.

– Думаю, мы еще встретимся, – проговорила Мария, а затем, еще раз улыбнувшись, выпорхнула из машины.

– До встречи, – прошептал я, на мгновение зависнув. Никогда бы не подумал, что та, за кем я столько времени просто наблюдал, даже боясь оказаться рядом, будет сидеть в *моей* машине в статусе *моей* невесты, пусть и пока что фиктивной, гарантией безопасности.

Я вышел следом, замечая на пороге дома Матиаса, строгий взгляд прошелся по сестре, затем метнулся ко мне.

Черт, надеюсь, он не воспринял это как-то неправильно.

На приезд Луизы со мной, такой реакции ни у кого не возникло. Никто не ожидал, что старшая Перес даст себя в обиду? Или ее никто не мог обидеть? Наверное, если бы она не боялась крови, то стала бы самым страшным человеком в городе. Луиза хоть и бомба замедленного действия, но в нужный момент умела держать эмоции под контролем.

– Семейная встреча, которую мы заслужили, – язвительно хмыкнул Хорхе, выходя из машины и натягивая солнцезащитные очки. Следом в руках оказалась сигарета, а парень сделал вид, что ничего не говорил.

– Катись к черту.

– Как вам не стыдно, босс! – я лишь фыркнул в ответ, направившись в сторону Матиаса.

Перес остановился в метре от меня, сверкнув изучающим взглядом из-под бровей. Так, что мне захотелось свернуть все свои планы, лишь бы не разбираться с их внутрисемейными конфликтами.

– Знакомишься с невестой? – ехидно спросил он, протянув ладонь для рукопожатия.

– Встретились в церкви, – сухо отозвался я, пожав грубую руку в ответ. – За Луизу так не беспокоишься? – отозвался я, даже не надеясь на ответ. Матиас и Лу были даже как-то слишком похожи, и дразнить их такими вопросами казалось очень забавным. Хотя, конечно, мне должно быть стыдно за свою распущенность.

– В тебе беспокойства хватит на всех, – ехидная усмешка растянулась на его губах, делая еще больше похожим на старшую сестру. – Зачем пожаловал?

– К отцу.

– Его сейчас нет, что-то передать? – ответил он, поправив светлые волосы. Я же задумался, насколько тактичным и правильным будет вопрос о матери мальчику, который потерял ее в три года. Что он мог помнить из того времени, когда еле складывал звуки в слова? Стоило ли рисковать? Фелипе и так, и так не понравится интерес к делу его жены. Готов ли я зайти так далеко, повесив над собой угрозу войны с двумя

кланами?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.